

59
Л-76

БИБЛИОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ВСТРЪЧА СЪ МЕДВЪДЕМЪ

и друге разказы В. Лонга.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Синтия Лонг

59
Л-76

ШКОЛА ЛѢСОВЪ.

РАЗСКАЗЫ В. ЛОНГА.

ВЫПУСКЪ II.

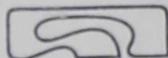
ВСТРѢЧА СЪ МЕДВѢДЕМЪ

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. УЛЬЯНОВОЙ.

Съ рисунками Копеланда.

ДЕК 2011

МОСКВА.

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко, Пименовская ул., соб. домъ.

БИБЛИОТЕКА 6486
1905.
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНІЯ КОМПЕТЕНЦІИ
РУКОВОДЯЩИХЪ И УЧЕБНЫХЪ РАБОТНИКОВЪ

785

Дозволено цензурою. Москва, 12 января 1905 г.

ВСТРѢЧА

СЪ МЕДВѢДЕМЪ.

Встрѣча съ медвѣдемъ.

При встрѣчѣ съ медвѣдемъ удивленіе, и удивленіе далеко не изъ пріятныхъ, испытываетъ обыкновенно и человекъ и медвѣдь. Въ самомъ дѣлѣ: какъ бы вамъ ни хотѣлось, бродя по лѣсамъ, встрѣтить медвѣдя, какъ бы внимательно ни разыскивали вы его слѣды, но когда при крутомъ поворотѣ тропинки или изъ-за чащи кустарника онъ неожиданно выступитъ прямо вамъ навстрѣчу, глядя на васъ пристально своимъ тяжелымъ, внимательнымъ взглядомъ, стремясь угадать ваши намѣренія, то впечатлѣніе отъ этого у васъ получится такое, какъ у человека, который, ежедневно заглядывая подъ свою постель, нѣтъ ли тамъ разбойника, увидитъ въ одинъ прекрасный день, что онъ дѣйствительно расположился тамъ и подкарауливаетъ его.

Медвѣдь, съ своей стороны, тоже всегда го-

товится къ встрѣчѣ съ вами, разъ ужъ онъ знаетъ по слѣдамъ, что вы проникли въ его заповѣдныя мѣста. Но желанія встрѣтиться съ вами у него, конечно, нѣтъ никакого. Онъ поглядываетъ, нѣтъ ли васъ, какъ лѣнтяй, который вышелъ поискать работы, но въ глубинѣ души надѣется, что не найдетъ ея.

Медвѣдь совсѣмъ не любопытное животное, онъ любопытенъ меньше, чѣмъ кто-нибудь изъ жителей лѣсовъ. Онъ любитъ одиночество и всегда готовъ миролюбиво предоставить вамъ свои любимыя мѣста и уйти куда-нибудь дальше, въ еще большую глушь и чашу, гдѣ онъ будетъ уже совсѣмъ одинъ. А такъ какъ это стремленіе его гораздо сильнѣе вашего простого любопытства увидѣть что-нибудь новенькое, то вы рѣдко встрѣтите медвѣдя даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они водятся.

Вообще, чѣмъ больше я наблюдаю жизнь въ дикихъ лѣсахъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что

природа считается не только съ пользою, но и съ сильно

выраженнымъ желаніемъ того или другого изъ своихъ дѣтищъ, особенно сильнымъ потому, что у каждаго животного бываетъ обыкновенно какое-нибудь такое яркое, опредѣленно проявляющееся желаніе. Возьмите, на примѣръ, сову: ея полетъ такъ тихъ, такъ безшуменъ не потому только,

что она непременно нуждается въ немъ, онъ ей не болѣе необходимъ, чѣмъ ястребу, который не летаетъ однако такъ безшумно, а потому также, я думаю, что она сильнѣйшимъ образомъ желаетъ быть такой же безшумной, какъ окружающій ее мракъ, и неслышная стопа пантеръ, и пронизательный взоръ оленя, и острое обоняніе волка, который, кажется, весь ушелъ въ желаніе обонять какъ можно лучше. Всѣ эти, а также и другія рѣзко проявленныя особенности дикихъ животныхъ даны имъ природой вслѣдствіе ихъ сильно выраженного стремленія имѣть эти особенности.

То же и съ медвѣдемъ. Природа несомнѣнно считалась съ его страстною любовью къ покою и одиночеству: онъ вовсе не стремится видѣть васъ или кого бы то ни было, и поэтому зрѣніе его слабо, самое слабое его чувство; но онъ страстно желаетъ избѣгнуть вашего общества, да и всякаго иного общества, и вотъ его обоняніе и слухъ поразительно чутко угадываютъ ваше приближеніе. Часто, когда вамъ кажется, что никого поблизости нѣтъ въ лѣсу, медвѣдь находится гдѣ-нибудь тутъ, совсѣмъ неподалеку отъ васъ. Но вѣтеръ донесъ уже до него вашъ запахъ, звукъ вашихъ беспечныхъ шаговъ достигъ уже до его чуткаго слуха, и онъ поспѣшно удаляется отъ васъ, оставляя васъ съ вашею шумливостью, съ вашею любознательностью и со всѣми другими вашими свойствами. Его способность укрываться настолько сильнѣе вашей способности найти его, что успѣхъ оказывается почти всегда.

на его сторонѣ. Притомъ же, не желая васъ видѣть, онъ и не думаетъ объ этомъ, а потому его удивленіе при встрѣчѣ съ вами бываетъ гораздо сильнѣе вашего.

Какъ же поступаетъ онъ при этой встрѣчѣ? Это зависитъ опять-таки больше отъ васъ, чѣмъ отъ него. Обыкновенно его поведеніе бываетъ прямо противоположно вашему: если вы смѣлы, то онъ смиренъ и застѣнчивъ, какъ кроликъ; если вы перепуганы на смерть, то онъ не боится васъ; если вы проявляете любознательность, онъ тотчасъ же смущается и уходитъ въ себя.

Какъ и всѣ дикіе звѣри, медвѣдь обладаетъ какой-то удивительною способностью угадывать ваши мысли и ваше настроеніе. Его пристальный взглядъ смотритъ, какъ кажется, вамъ прямо въ душу. Если же онъ видитъ, что вы нисколько не заинтересованы имъ, что вы идете себѣ по своему

дѣлу, глядя на него какъ на неинтереснаго, безразличнаго для васъ субъекта, то онъ превосходно понимаетъ это ваше настроеніе—еще бы! вѣдь

это его собственное всегдашнее настроеніе,—и уходитъ такъ же спокойно въ свою сторону, точно онъ и не видѣлъ васъ.

И вообще всегда, когда мы встрѣчаемъ медвѣдя, онъ поступаетъ такъ, точно у него имѣется готовый планъ дѣйствія. Загремите чѣмъ-нибудь неожиданно сзади него, когда онъ, тяжело ступая, идетъ неуклюже по полянѣ или по лѣсной опушкѣ, и онъ бросится стремглавъ въ кусты,

точно вы нажали на какую-то пуговку, которая заставляет его неизбежно сдѣлать этотъ прыжокъ. Потомъ онъ, можетъ-быть, и вернется и посмотритъ, что испугало его такъ, но прыгнетъ онъ непременно. Присядьте на минуту и сидите смирно, тогда онъ приподнимется на заднія лапы, чтобы посмотрѣть, что вы дѣлаете, и втянетъ въ себя сильнымъ движеніемъ воздухъ. Прыгните по направленію къ нему, громко вскрикнувъ и махнувъ чѣмъ-нибудь передъ его мордой, и онъ зареветъ и бросится въ сторону, взрывая лапами землю, если приходится лѣзть на гору, и хныча, какъ испуганный щенокъ.

Порою, проходя въ концѣ лѣта по лѣсу, вы услышите такой сильный шумъ между деревьями, точно буря налетѣла и, не успѣвъ еще дойти до васъ, клонить, ломаетъ уже гдѣ-то деревья въ лѣсу. Но прислушавшись, вы убѣждаетесь, что это не буря, а подкравшись немного, вы увидите Топтыгина, взобравшагося на толстый сукъ буковаго дерева, обхватившаго передними лапами болѣе тонкую часть дерева и трясущаго его во всѣ стороны, чтобы стрясти спѣлые буковые орѣшки. За трескомъ и шелестомъ раскачиваемаго дерева, за шумомъ падающихъ орѣшковъ онъ не слыхалъ вашего приближенія и хрустѣнія сухихъ вѣтокъ подъ вашими ногами. Если же вы, обрадовавшись неожиданному зрѣлищу, громко вскрикнете, васъ можетъ ждать другой сюрпризъ, котораго надо остерегаться: нельзя никоимъ образомъ испускать этотъ крикъ прямо подъ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидитъ медвѣдь. Если медвѣдь еще молодъ, то онъ въ мгновеніе ока,

какъ игрушечная обезьянка взбирается на палочку, взлѣзеть по дереву какъ можно выше и скроется въ густой листьѣ. Но если это большой, старый медвѣдь, то онъ рухнетъ внизъ, прямо на васъ, прежде чѣмъ вы успѣете сообразить, что случилось.

Медвѣдь никогда не слѣзаетъ съ дерева потихоньку, онъ просто опускаетъ лапы и падаетъ всею тяжестью внизъ. Такіе прыжки, повидимому, не вредятъ ему и нисколько не замедляютъ дальнѣйшихъ быстрыхъ дѣйствій. Какъ кошка, которая можетъ, не ушибаясь, падать съ большой высоты, Михаилъ Ивановичъ, свалившись, какъ большая подушка, живо поднимается на ноги, мускулы его тотчасъ напрягаются, и онъ, какъ резиновый мячъ, отскакиваетъ съ мѣста своего паденія куда-нибудь въ чашу.

Мнѣ приходилось видѣть два раза, какъ медвѣди спускались такимъ образомъ съ дерева. Въ первый разъ это были два молодые, почти уже взрослые медвѣди. Одинъ изъ нихъ, услышавъ выстрѣлъ, полѣзъ выше и скрылся въ листьѣ; другой же свалился внизъ такъ внезапно, что охотникъ, стоявшій подъ деревомъ и прицѣлившійся было въ

него, долженъ былъ спастись быстрымъ прыжкомъ въ сторону, и не успѣлъ онъ опомниться отъ изумленія, какъ медвѣдь уже исчезъ, и только покачиванье молодыхъ елочекъ указывало, въ какомъ направленіи онъ скрылся.

Всѣ эти правильные цѣлесообразные поступки медвѣдя при той или иной неожиданности являются результатомъ заботливаго воспитанія его матерью. Если вамъ случится когда-нибудь наблюдать за медвѣдицею и ея дѣтенышами, то вы замѣтите двѣ особенности. Когда медвѣди странствуютъ, — Топтыгинъ вѣдь самый неутомимый лѣсной ходокъ, — вы увидите, что медвѣжата идутъ непосредственно за матерью, подражая съ забавною точностью всѣмъ малѣйшимъ ея движеніямъ: они сопятъ, когда она сопитъ, прыгаютъ, когда она прыгаетъ, поднимаются на заднія лапы, опуская свободно переднія, и поднимаютъ мордочки, втягивая воздухъ, когда она дѣлаетъ такъ, и тотчасъ же поспѣшно удаляются за ней подъ покровъ гостепріимныхъ кустарниковъ, когда тонкое чутье матери находитъ, что впереди не все благополучно. Такимъ образомъ они научаются распознавать лѣсные звуки и запахи и согласовать съ ними свои дѣйствія.

Зато, когда медвѣжата играютъ, дѣло происходитъ наоборотъ: мать сидитъ и наблюдаетъ за ними такъ же внимательно, какъ они

за нею во время странствія по лѣсамъ. Она сидитъ, не шелохнувшись, разставивъ широко свои заднія лапы, уперевъ между ними переднія, склонивъ немного на бокъ свою большую голову, и слѣдитъ съ неотступнымъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ дѣтенышей въ ихъ борьбѣ другъ съ другомъ, въ лазаньи по деревьямъ или по холмамъ. Она наблюдаетъ за ними, какъ воспитательница, которая не разъ прежде показывала имъ правильные приемы и хочетъ прослѣдить теперь, насколько хорошо они запомнили ея уроки. И время отъ времени тотъ или другой изъ ея учениковъ получаетъ здоровый тумакъ, за что именно, я уже не могу вамъ сказать, но, очевидно, за какую-нибудь ошибку, за то, что онъ сдѣлалъ что-нибудь не такъ, какъ она учила.

И лишь тогда, когда Топтыгинъ наталкивается на что-нибудь совершенно новое для него, на то, что въ его воспитаніи „не проходило“, приходится работать его инстинкту и его сообразительности, и тогда этотъ самоувѣренный хищникъ останавливается порой въ нерѣшимости. Разъ, скользя въ челнокѣ, я засталъ его на самомъ берегу, куда онъ приплелся за оставленной кѣмъ-то передней ногой оленя. Первымъ его движеніемъ было прыгнуть въ кусты, не поворачивая даже головы, какъ онъ продѣлывалъ это столько разъ за своею матерью, когда былъ еще медвѣжонкомъ. Но вдругъ онъ пріостановился, обернулся и секунды три-четыре, стоя на открытомъ мѣстѣ, созерцалъ опасность. Я въ первый разъ

Прямо передо мною, заграждая тропинку, стоялъ огромный медвѣдь.

видѣлъ такое колебаніе въ медвѣдѣ. Онъ размышлялъ очевидно, насколько опасная штука мой челнокъ, и стоитъ ли бросать изъ-за него лакомый кусокъ. Черезъ минуту онъ рѣшилъ, должно быть, что не стоитъ, прыгнулъ снова назадъ, схватилъ оленью ногу и утащилъ ее въ лѣсъ.

Въ другой разъ я встрѣтилъ медвѣдя на узенькой тропкѣ, гдѣ мы не могли разойтись, и повернуть съ которой ему не хотѣлось, потому что что-то манило его впереди.

Это было на берегу южной Миримики, дикой рѣчки, протекавшей въ дремучемъ, пустынномъ лѣсу.

Начинало уже смеркаться. Я быстро шелъ по узкой тропѣ, глядя главнымъ образомъ себѣ подъ ноги, чтобы не сорваться съ нея—по одну сторону возвышался утесъ, а по другую шумѣла рѣка, — какъ вдругъ громкое: „Хо-о-у-уфъ!“ заставили меня быстро поднять голову. Прямо передо мною, саженьяхъ въ трехъ, на поворотѣ, стоялъ огромный медвѣдь, заграждая мнѣ совершенно тропинку, какъ оторвавшаяся съ горы глыба.

Раздумывать было некогда, — встрѣча была слишкомъ внезапна. Совершенно инстинктивно я вскрикнулъ тоже: „О-о-уфъ!“ и остановился, какъ вкопанный, такъ же, какъ и медвѣдь. Медвѣдь былъ испуганъ не меньше меня, въ этомъ одномъ я былъ вполне увѣренъ.

Вѣроятно, у каждого изъ насъ промелькнула одна и та же мысль: „положеніе неприятное, какъ бы выйти изъ него?“ Ни одинъ изъ насъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Михаилу Ива-

новичу видимо не хотѣлось свертывать съ дороги. Кто-то, можетъ-быть, самка, звалъ его туда вверхъ по рѣкѣ, иначе бы онъ повернулъ и ушелъ. Но можно ли ему было довѣрять тому большому животному, которое преградило ему дорогу? Вотъ въ чемъ вопросъ. Этотъ вопросъ выражался такъ ясно въ его внимательномъ, пристально устремленномъ на меня взглядѣ, въ которомъ не было никакой свирѣпости, ничего кровожаднаго.

Я также, не моргнувъ, выдержалъ его взглядъ. Собственно, это было наилучшее изъ всего, что я могъ бы сдѣлать въ данномъ случаѣ, хотя дѣлалъ я это вполнѣ безсознательно. Въ то время я быстро прикидывалъ въ своей головѣ, какъ мнѣ поступить. Въ сторону уйти было некуда: надо было или идти впередъ, или повернуть назадъ. А что если броситься впередъ съ громкимъ крикомъ, какъ мнѣ приходилось дѣлать при нѣсколькихъ иныхъ обстоятельствахъ? Но вѣдь тогда и онъ, пожалуй, бросится на меня, какъ дѣлаютъ многіе звѣри, которымъ бросаются навстрѣчу? Нѣтъ, этого нельзя: для этого уже прошло время, онъ замѣтитъ теперь, что я дѣлаю это намѣренно. Такъ можно было сдѣлать или въ первый же моментъ встрѣчи, или вовсе не надо дѣлать. Повернуть назадъ? Но тогда онъ пойдетъ за мною до конца утеса, становясь смѣлѣе съ каждымъ шагомъ; къ тому же тутъ опасная, мнѣ незнакомая, а ему очень хорошо извѣстная дорога. Уже смеркалось, и мнѣ пора было домой.

Удивительно, какъ много понялъ медвѣдь изъ этихъ моихъ мыслей. Какимъ-то для меня непонятнымъ образомъ онъ, очевидно, пришелъ къ за-

ключению, что у меня не вредныя мысли, что я хочу только пройти по своему дѣлу и не расположенъ уступать ему тропинку. Я продолжалъ глядѣть на него, не сводя глазъ, и вотъ, наконецъ, его взглядъ сталъ терять свою напряженность. Вотъ онъ отвелъ глаза, повернулъ голову и поглядѣлъ вокругъ себя и внизъ. Я понялъ изъ этого движенія, что моя взяла, и что онъ уступить мнѣ тропинку, если я сохраню мужество.

И медленно и спокойно я ступилъ шагъ - другой впередъ, все также въ упоръ глядя на него. На секунду я видѣлъ, какъ челюсть его приподнялась, и подъ ней сверкнула полоска бѣлыхъ зубовъ; но затѣмъ онъ повернулъ голову, оглядываясь на пройденный путь, и вдругъ исчезъ за выступомъ скалы. Черезъ минуту онъ высунулъ осторожно морду, чтобы поглядѣть, тутъ ли я; когда онъ снова скрылся, я пошелъ впередъ, обогнувъ скалу, и очутился прямо лицомъ къ лицу съ нимъ: онъ стоялъ и смотрѣлъ внизъ, отыскивая себѣ, видимо, другую дорогу.

Теперь онъ былъ уже замѣтно покоенъ: прошла секунда, и его протяжный вой огласилъ воздухъ. Тогда я сѣлъ на выступъ скалы, на самой тропинкѣ. Мнѣ представилась вдругъ комичная сторона нашего положенія, и почему-то пришло въ голову заговорить съ нимъ,

спокойно, какъ съ человѣкомъ, котораго можно убѣдить тѣми или иными доводами.

„Въ непріятное положеніе попали вы, Михаилъ Ивановичъ, право! И зачѣмъ это вы пустились такъ рано въ путь? Если бы вы посидѣли до сумерекъ дома, какъ дѣлаетъ всякій порядочный медвѣдь, то мы оба съ вами избѣжали бы этой непріятности. Вы и меня въ непріятное положеніе поставили, вы видите! Уйдите же теперь куда-нибудь и дайте мнѣ дорогу; я назадъ не пойду: я не знаю дороги такъ хорошо, какъ вы; уже темнѣетъ, и я могу сломать себѣ голову гдѣ-нибудь на этой опасной тропкѣ. Какъ вамъ не стыдно, Михаилъ Ивановичъ, ставить меня въ такое положеніе?! Какъ это вы не почувяли меня раньше и не свернули по другой тропинкѣ въ горы, какъ сдѣлалъ бы всякій другой медвѣдь? Почему сейчасъ вы не залѣзете на эту сосну и не пропустите меня?“

Я замѣчалъ, что всѣ дикія животныя проявляютъ безпокойство при звукахъ увѣреннаго человѣческаго голоса,—почему, я не могу вамъ этого объяснить, въ этомъ есть нѣчто таинственное, и стараются по возможности уйти съ дороги. Кромѣ того, я увѣренъ, что всѣ животныя, домашнія и дикія, понимаютъ наше настроеніе гораздо лучше, чѣмъ мы представляемъ себѣ это, и описываемая мною встрѣча съ медвѣдемъ только подкрѣпила меня въ этомъ убѣжденіи. Я какъ сейчасъ вижу его передъ собою, какъ онъ стоялъ, вертясь и посапывая въ замѣшательствѣ, какой пристыженный взглядъ исподлобья бросалъ онъ на меня, подвывая время отъ времени.

Медвѣдь не выносить, чтобы надъ нимъ взяли верхъ въ чемъ-нибудь, почти такъ же, какъ и лисица. Когда вы поймаете его въ капканъ, онъ никогда не будетъ рычать и отбиваться, какъ это дѣлаютъ рысь, выдра и почти всякій другой звѣрь. Онъ такъ часто показываетъ свое превосходство надъ вами и осиливаетъ васъ, что оказывается совершенно сраженнымъ и уничтоженнымъ, когда вамъ удастся обойти его. Онъ точно забываетъ тогда всю свою страшную силу, крѣпость своихъ зубовъ и когтей. Положивъ голову межъ передними лапами, онъ отвертывается отъ васъ, чтобы вы не видѣли, насколько онъ пристыженъ. Это приходится наблюдать почти всегда, когда въ капканъ попадаетъ медвѣдь или лисица. Это же самое замѣтилъ я и теперь, когда сидѣлъ передъ медвѣдемъ и наслаждался его замѣшательствомъ.

Подлѣ него росла въ скалахъ крѣпкая сосна, верхушка которой доходила до второго высокаго горнаго выступа. Онъ приподнялся на заднія лапы, охватилъ ее передними и оглянулся на меня. Я сидѣлъ все такъ же спокойно на своемъ мѣстѣ, посмѣиваясь надъ его смущеніемъ. И вдругъ точно электрической толчокъ подкинулъ его кверху, и онъ полѣзъ по дереву съ быстротой, удивительной для такого большого, неповоротливаго звѣря, подкидывая все выше и выше свое грузное тѣло нервными, торопливыми движеніями, сыпя внизъ цѣлый дождь мелкихъ вѣтокъ, шишекъ и кусочковъ коры и оставляя глубокіе слѣды своихъ когтей на стволѣ сосны. Добравшись до вершины, онъ остановился и, свѣ-

сивъ свою большую голову, сталъ слѣдить, что я буду дѣлать, и когда я всталъ и пошелъ своей дорогой, онъ проводилъ меня глазами.

На слѣдующее утро я вернулся на это мѣсто. Къ сожалѣнію, скалы не то, что лѣсная трава или мохъ,—слѣдовъ на нихъ не видно, и потому я не могъ узнать то, что мнѣ было очень интересно, а именно: какъ поступилъ медвѣдь послѣ моего

ухода,—слѣзъ ли онъ опять внизъ по соснѣ или нашелъ себѣ другую дорогу въ горахъ. Я положилъ только большую лосось на то мѣсто, гдѣ меня остановилъ первый разъ ревъ медвѣдя; я зналъ, что для такой рыбы медвѣдь сдѣлаетъ даже большой обходъ.

На слѣдующее утро рыбы уже не было: можетъ-быть, это мой Михаилъ Ивановичъ, проходя по той же тропкѣ, нашелъ на ея поворотѣ другой, гораздо болѣе пріятный для него, чѣмъ въ первый разъ, сюрпризъ.

ПЕРЕКЛИЧКА

КУРОПАТОКЪ.

Переқличка куропатоқъ.

Въ одинъ сентябрьскій вечеръ я сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстечкѣ въ лодкѣ, у берега озера, когда въ прибрежномъ кустарникѣ слышались звуки: „Плень-лепъ-лепъ-лепъ-лепъ!“ похожіе на звуки воды, выливаемой изъ бутылки, въ которую входитъ воздухъ.

По сосѣдству отъ меня въ озеро впадалъ ручеекъ,—лѣтний маленькій ручей, который потерялся въ ольховыхъ кустахъ и позабылъ въ нихъ всѣ свои пѣсенки; и я подумалъ сначала, что какое-нибудь животное зашло напиться, и струйки, встрѣчая преграду въ его нотахъ, зажурчали громче.

Я сталъ грести въ этомъ направленіи, и вдругъ среди этихъ звуковъ, принятыхъ мною за журчанье ручья, раздался ясный „уйтъ-квитъ“ куропатоқъ. Еще минута—и я увидѣлъ передъ собой нѣсколькихъ птицъ, выбирающихся изъ густого кустарника, увидѣлъ ихъ блестящіе глаза. Оказалось, что звуки, принятые мною за журчанье воды, принадлежали имъ; приближаясь къ ручью, онѣ мѣняли свой обычный говоръ, которымъ онѣ переговаривались въ лѣсахъ и поляхъ на особый,

куръезный звукъ, настолько напоминавшій журчанье воды, что я остался бы всецѣло при этомъ убѣжденіи, если бы не увидѣлъ куропатокъ. Онѣ пришли къ ручейку, какъ будто бы для того, чтобы напомнить ему ту пѣсенку, которую онъ зналъ такъ хорошо, когда бѣжалъ тамъ, по склону холма.

Когда я уходилъ изъ дому, мнѣ строго-настрого наказали принести трехъ куропатокъ для воскреснаго обѣда. Поэтому я вылѣзъ изъ лодки на берегъ и сталъ прокрадываться съ пистолетомъ сквозь ольховые кусты.

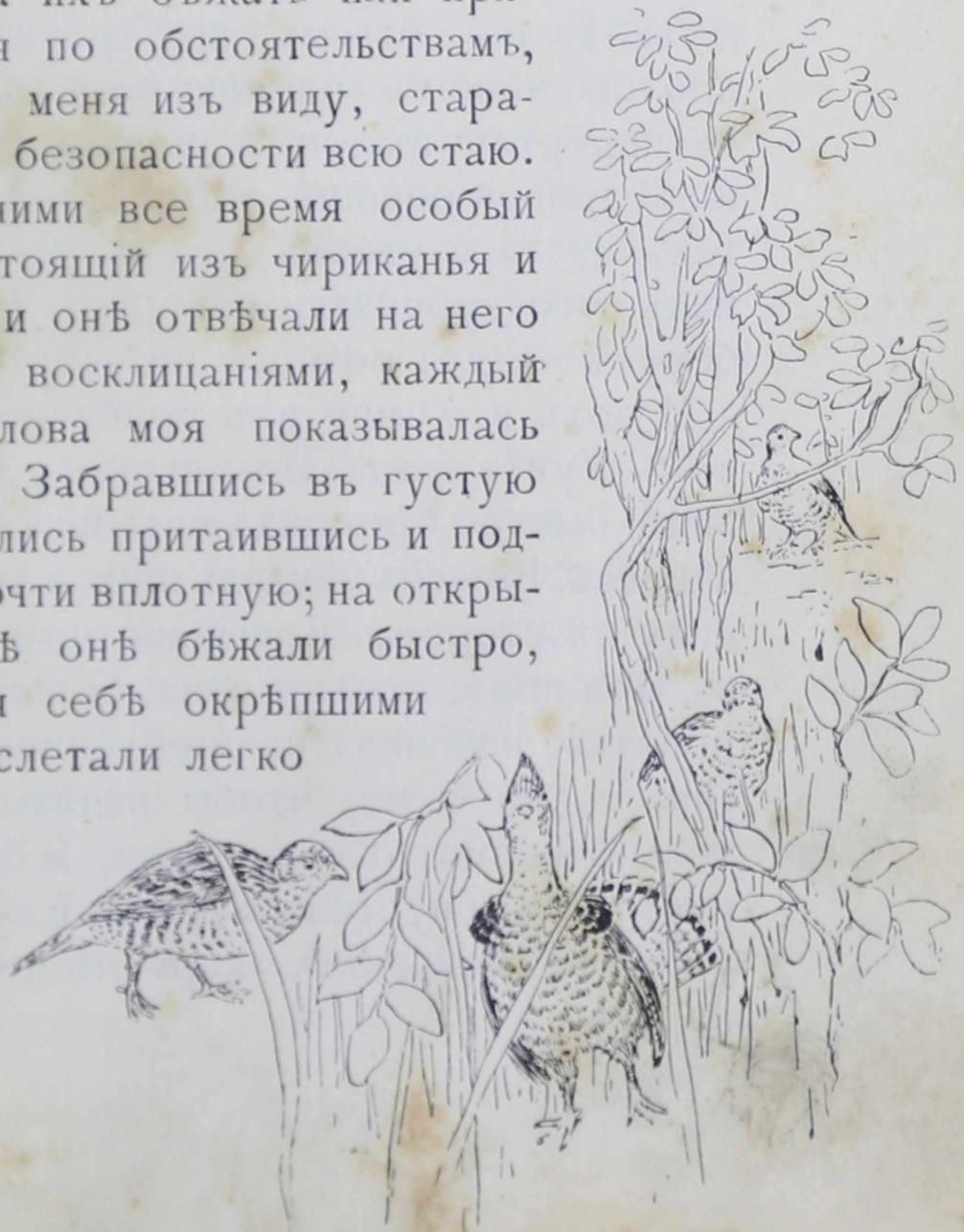
Я увидѣлъ по крайней мѣрѣ цѣлую дюжину вполне взрослыхъ куропатокъ, которыя не разсѣялись еще, какъ большинство выводковъ, во всѣ стороны, а держались покуда вмѣстѣ. По лѣтамъ, когда ягодъ много, куропатки ходятъ обыкновенно стаями, считая, должно быть, что десять паръ глазъ предохраняютъ лучше отъ разной непредвидѣнной опасности, чѣмъ одна пара. Каждый выводокъ ходитъ подъ руководствомъ матери, и, слѣдя за нимъ, мы можемъ наблюдать интересныя черты въ воспитаніи куропатокъ.

Если сова, ястребъ или ласочка лишатъ такой выводокъ матери, то онъ все-таки, пока ягодъ много, будетъ ходить вмѣстѣ, подъ руководствомъ кого-нибудь одного изъ нихъ, болѣе смѣ-

лаго или ловкаго, чѣмъ другіе. Но съ наступленіемъ осени, когда птицы считаютъ, что изучили уже всѣ сигналы, всѣ звуки и опасности, могущія угрожать имъ, выводокъ разбредается въ разныя стороны, отчасти вслѣдствіе того протеста противъ родительскаго авторитета, котораго не выносить ни одно животное, разъ оно научилось само заботиться о себѣ.

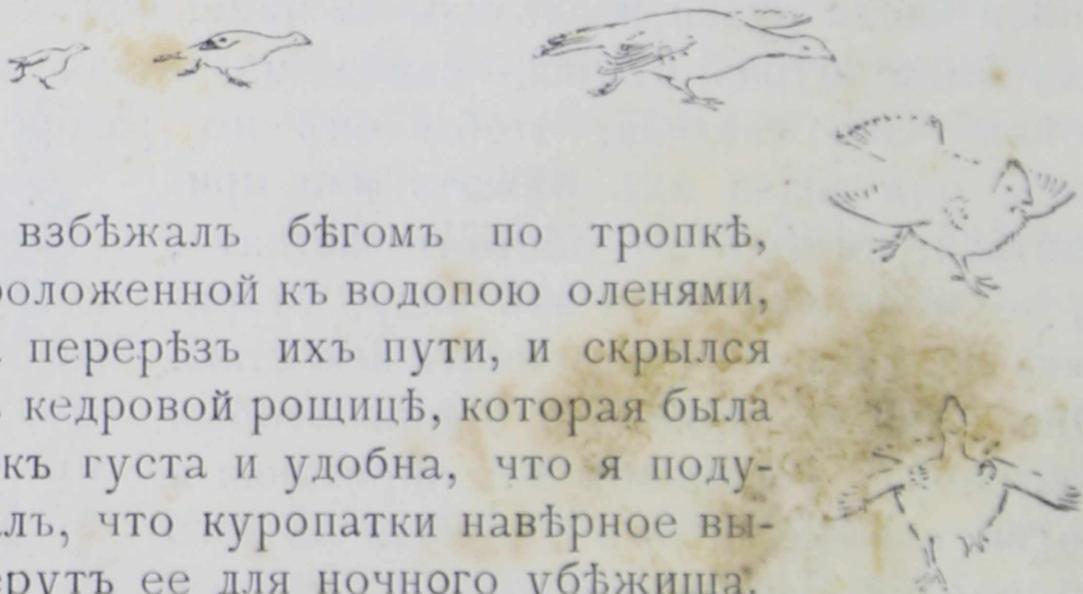
Я быстро, но осторожно пошелъ за выводкомъ сквозь нескончаемый ольховый кустарникъ, тянувшійся вдоль ручья, и слѣдилъ за ними; вожакомъ ихъ была хитрая птичка,—самая маленькая изъ всѣхъ. Она слѣдила, чтобы онѣ не разбредались, она звала ихъ бѣжать или притаиться, смотря по обстоятельствамъ, и, не выпуская меня изъ виду, старалась держать въ безопасности всю стаю. Она вела съ ними все время особый разговоръ, состоящій изъ чириканья и посвистыванья, и онѣ отвѣчали на него вопросами или восклицаніями, каждый разъ, какъ голова моя показывалась изъ-за кустовъ. Забравшись въ густую чашу, онѣ садились притаившись и подпускали меня почти вплотную; на открытомъ же мѣстѣ онѣ бѣжали быстро, шумно помогая себѣ окрѣпшими крыльями, или слетали легко и безшумно со сваленнаго бурей дерева.

Замѣтно было, что онѣ уже

не долго походятъ вмѣстѣ. Днемъ онѣ, вѣроятно, разбрѣдались уже въ поискахъ порѣдѣвшаго корма; но съ наступленіемъ сумерекъ по старой привычкѣ сходились, считая себя такъ безопаснѣе. А я сидѣлъ такъ тихо, что слышалъ, какъ вожакъ началъ скликать ихъ и какъ онѣ отвѣчали ему, одна за другой, съ того мѣста, гдѣ паслись.

Видя, что мнѣ не догнать ихъ въ ольховомъ кустарникѣ, я вышелъ изъ него къ самому ручью

и взбѣжалъ бѣгомъ по тропкѣ, проложенной къ водопою оленями, на перерѣзъ ихъ пути, и скрылся въ кедровой рощицѣ, которая была такъ густа и удобна, что я подумалъ, что куропатки навѣрное выберутъ ее для ночного убѣжища.

И вотъ я слышу ихъ приближеніе:—Ууитъ-квитъ! Пр-р-р пр-р-р пруть, пруть!“ и вижу быстро бѣгущихъ пять или шесть переднихъ птичекъ. Вожакъ увидалъ меня и тотчасъ же отскочилъ въ сторону. Большинство выводка послѣдовало за нимъ, только одна, болѣе любопытная куропатка, вскочила на срубленное дерево и, вытягиваясь на немъ, чтобы видѣть лучше, внимательно посмотрѣла на меня. Я быстро выхватилъ пистолетъ, спустилъ курокъ, и куропатка лежала уже въ большомъ карманѣ моей охотничьей куртки.

Выстрѣль привлекъ вниманіе другой птички, которая остановилась при незнакомомъ звукѣ, взлетѣла на высокую сосну и, прижавшись къ стволу, чтобы спрятаться, стала вслушиваться. Ждала ли она повторенія новаго для себя звука или, испуганная имъ, прислушивалась, не раздастся ли зовъ вожака,—этого уже я не могу сказать. Я выстрѣлилъ снова и увидалъ, что она полетѣла съ такимъ тяжелымъ взмахиваньемъ крыльевъ, изъ котораго ясно было, что она была тяжело ранена.

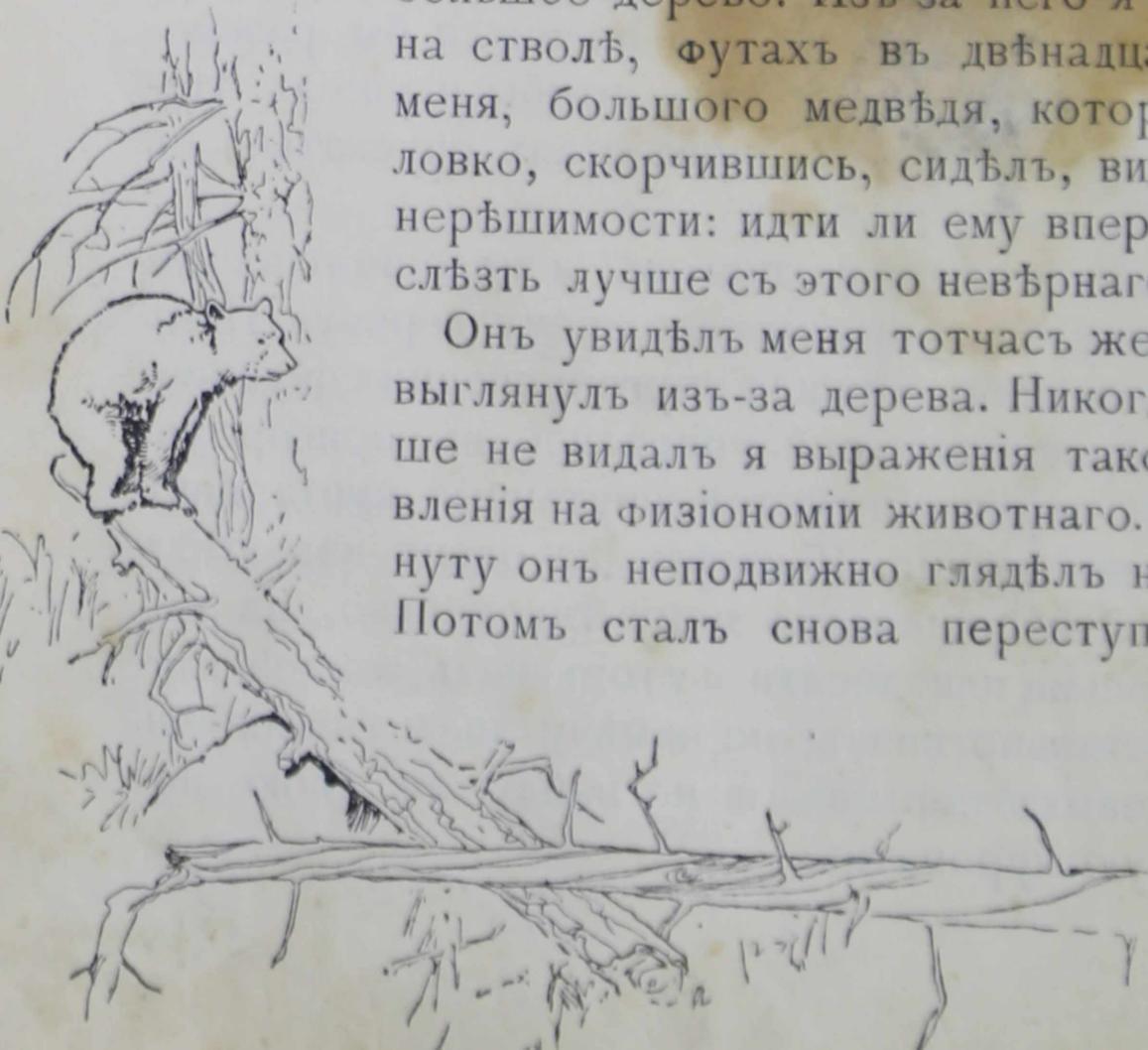
Я полѣзъ за ней на пригорокъ, на звукъ ея трепетавшихъ крыльевъ. Взлетѣвъ туда, она скрылась въ большой чащѣ кустарника, гдѣ было нѣсколько поваленныхъ бурей деревьевъ. Я пошарилъ минутъ десять въ кустахъ, потомъ, притаившись, сталъ прислушиваться, но ничего не было слышно; птица спряталась, очевидно, въ такой чащѣ, гдѣ и совиные глаза не могли бы рассмотреть ее, и выжидала тамъ, чтобы я ушелъ. Нечего было дѣлать,—я снова сталъ спускаться съ пригорка къ рѣкѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я подошелъ къ поваленному, наполовину засохшему дереву. Подъ угломъ съ нимъ лежало другое; своими соединенными верхушками они упирались въ пригорокъ. Большія деревья и густой спутанный кустарникъ росли межъ ними. Я взлѣзъ на одинъ изъ этихъ стволовъ и пошелъ по нему тихохонько, на высотѣ восьми или десяти футовъ надъ землей, глядя пристально внизъ, не замѣчу ли я гдѣ-нибудь коричневыхъ перьевъ и не найду ли свою потерянную куропатку.

Вдругъ стволъ подо мною началъ потихоньку качаться. Я остановился въ удивленіи, стараясь понять причину такой странности; но никого, кромѣ меня, на стволѣ не было, и, постоявъ съ минуту, я пошелъ дальше, продолжая искать глазами куропатку. И опять стволъ закачался, на этотъ разъ сильнѣе, чуть не подбрасывая меня кверху. Тогда, оглянувшись, я замѣтилъ, что верхушка другого ствола, покачивавшагося на большомъ камнѣ, приходилась подъ верхушкой моего; какая-то тяжесть на другомъ концѣ его должна была приподнимать этотъ. Тамъ, очевидно, было тоже какое-то животное.

Въ головѣ моей быстро промелькнула мысль, что это, должно быть, очень большое животное, если оно можетъ подкидывать меня своею тяжестью. Я ступилъ еще шага два по стволу и всталъ за большое дерево. Изъ-за него я увидалъ на стволѣ, футахъ въ двѣнадцать отъ меня, большого медвѣдя, который, неловко, скорчившись, сидѣлъ, видимо въ нерѣшимости: идти ли ему впередъ или слѣзть лучше съ этого невѣрнаго моста.

Онъ увидѣлъ меня тотчасъ же, какъ я выглянулъ изъ-за дерева. Никогда раньше не видалъ я выраженія такого удивленія на физиономіи животнаго. Съ минуту онъ неподвижно глядѣлъ на меня. Потомъ сталъ снова переступать не-

уклюже, скорчившись, съ ноги на ногу на качающемся подъ нимъ стволѣ. А затѣмъ опять, поднявъ голову, уставился неподвижно на странное животное, стоящее на другомъ стволѣ. Оно стояло все неподвижно, не сводя съ него глазъ. И тогда медвѣдь соскочилъ торопливо въ кустарникъ, и если бы я не схватился быстро рукой за неподвижный сукъ, то полетѣлъ бы навѣрное назадъ на камни.

Вслѣдъ за этимъ прыжкомъ я услышалъ легкое трепетаніе крыльевъ. Я пошелъ на него нерѣшительно, не зная еще, гдѣ медвѣдь, и боясь столкнуться съ нимъ, и черезъ нѣсколько шаговъ нашелъ свою куропатку и засунулъ ее также въ карманъ.

Оставшіяся куропатки разсѣялись въ это время въ разныя стороны. Я набрелъ на слѣдъ двухъ, но онѣ быстро улепетнули въ кусты, и послѣ двухъ неудачныхъ выстрѣловъ я пошелъ снова назадъ, къ лодкѣ.

Лѣсъ и озеро стихли снова. Тѣни стали сгущаться. И вотъ снова изъ ольховыхъ кустовъ раздался тихій, вопрошающій говоръ куропатокъ. Вожакъ былъ тутъ, въ густой чащѣ,—я научился уже распознавать его особое „пруть-пруть“,—а съ холма и изъ ольховыхъ кустовъ и изъ-за густого плюща слышались отвѣтные „пруть“ и взмахи крыльевъ, по которымъ слышно было, что куропатки слетались все тѣснѣе.

Такъ какъ мнѣ не хватало еще одной куропатки, то я выскочилъ изъ лодки и пошелъ опять въ ольховые кусты. Найдя небольшую тропинку, я поползъ по ней какъ можно осторожнѣе на го-

лось вожака. Наконецъ, я нашелъ его въ густой чашѣ низкихъ ольховыхъ кустовъ. Онъ быстро бѣгалъ назадъ и впередъ по стволу сваливагося дерева, хлопая крыльями и хвостомъ и выкрикивая время отъ времени свой призывной кличъ.

Часть ствола была уже занята пятью куропатками, усѣвшимися смирно въ рядъ и молчавшими; онѣ только поворачивали время отъ времени головы и внимательно прислушивались, когда раздастся отвѣтный крикъ, легкій шелестъ въ кустарникѣ, и еще и еще одна куропатка вспархивала къ нимъ на дерево. И снова вожакъ звалъ, и издали раздавались слабое „квитъ-квитъ“ и шорохъ крыльевъ, — и еще одна товарка прилетала, садилась въ общій рядъ, а вожакъ снова бѣгалъ и звалъ.

Вотъ ихъ собралось девять. Зовъ вожака звучитъ все громче и громче, но нѣсколько минутъ на него нѣтъ отвѣта. Весь выводокъ встревоженъ; вожакъ бѣгаетъ все торопливѣе, кричитъ все громче... И вотъ наконецъ глухой шопоть прерываетъ молчаніе куропатокъ и пробѣгаетъ по всему ряду: вѣдь не всѣ свои тутъ, — гдѣ же онѣ? Становится уже поздно, — вотъ и сова прокричала. „Пруть-Пруть! При-и-и!“ позвалъ снова вожакъ, и весь выводокъ затихъ снова и сталъ прислушиваться.

Я также повернулъ голову къ холму и сталъ прислушиваться. Но запоздалыя товарки не являлись. Пролетѣла летучая мышь, скрипнула гдѣ-то вѣтка, — слишкомъ сильно, чтобъ скрипъ этотъ могъ быть произведенъ куропаткой, — и снова все затихло. И ощущая что-то теплое и тяжелое въ

И снова вожакъ звалъ...

карманъ своей куртки, я почувствовалъ какъ бы уколъ совѣсти; я почувствовалъ, что я виноватъ, что два голоса не отвѣтили и никогда уже не отвѣтятъ на зовъ вожака.

Я лежалъ саженьяхъ въ трехъ отъ древеснаго ствола, на которомъ приютились куропатки. Ночь надвигалась все больше и больше, и все вокругъ какъ-то притихло,—точно тоже прислушивалось, горевало... Подойдя къ куропаткамъ, я прицѣлился было въ самую большую птицу, но желаніе посмотрѣть, какъ онѣ будутъ собираться, удержало меня. Теперь къ этому присоединилось еще новое чувство, и я отбросилъ въ сторону пистолеть.

И снова раздался зовъ вожака. Весь выводокъ подтянулся, насторожился, точно рядъ бронзовыхъ статуэтокъ сидѣлъ теперь на древесномъ стволѣ, всѣ превратились въ слухъ, тревога читалась въ ихъ позахъ. Отвѣта снова не было, и птицы сжались потѣснѣе, а вожакъ стоялъ передъ ними, опять и опять пересчитывалъ ихъ, и вновь раздавался его призывный крикъ.

Я вынулъ изъ кармана одну изъ куропатонокъ и началъ поглаживать тихонько ея мягкія перышки. Что за славная была это птичка, какъ хорошо приспособилась она для жизни въ лѣсу! А я отнял у нея жизнь... Цѣлое лѣто весело бѣгала она вмѣстѣ съ остальнымъ выводкомъ, находя вездѣ въ изобиліи пищу и укромные тѣнистые уголки на ночь и отъ злыхъ враговъ. Чуткость и осторожность по отношенію ко всему чуждому, повиновеніе матери,—вотъ что руководило ею въ жизни, вотъ что научило ее, когда надо бѣжать,

когда летѣть, а когда притаиться въ чащѣ и выждать, чтобы опасность миновала, — сидѣть спокойно, хотя бы страшное животное проходило тутъ близко, всего въ нѣсколькихъ шагахъ. И она выросла сильной и ловкой, проворной птичкой; теперь она и самостоятельно могла бы жить въ лѣсу, но, къ несчастію, только любопытствовала, только поддалась искушенію поглядѣть на это странное животное, неподвижно стоящее подъ кедромъ,—и вотъ такъ неожиданно наступилъ конецъ.

А зовъ вожака все еще не смолкалъ. „Попробую-ка я отозваться за тебя, пичужка“, подумалъ я и, поднявъ голову, крикнулъ, стараясь подражать куропаткамъ: „Квитъ-квитъ!“ Вожакъ отвѣтилъ тотчасъ же, а весь выводокъ, приподнявшись на стволѣ, повернулъ головы по направленію ко мнѣ и сталъ прислушиваться.

Я крикнулъ снова; на этотъ разъ всѣ куропатки соскочили на землю и прижались къ ней, а вожакъ одинъ весь вытянулся на стволѣ и превратился въ воплощенный слухъ. Очевидно, мои звуки не вполне походили на крикъ куропатокъ,—онѣ разобрали, что что-то не ладно, хоть и не могли понять, какая бѣда задержала такъ долго ихъ товарокъ и грозитъ теперь и имъ изъ темной чащи. Съ минуту все было тихо: онѣ прислушивались. Потомъ вожакъ спрыгнулъ тихонько со ствола и пошелъ по направленію ко мнѣ, приостанавливаясь, прислушиваясь, то прячась за кустами, то выглядывая снова. Вотъ онъ подошелъ уже совсѣмъ близко и прямо, пристально глядѣлъ на меня изъ-подъ кустовъ. Минуты двѣ прошло такъ въ полномъ

молчаніи, — пичужка, стоявшая противъ меня, даже глазомъ не моргнула. Потомъ она быстро шмыгнула назадъ, къ выводку, съ тихимъ встревоженнымъ „уйтъ-квитъ“. Вслѣдъ за этимъ раздался еще какой-то, почти неслышный звукъ, — очевидно, сигналъ, и весь выводокъ поднялся и полетѣлъ дальше въ лѣсъ.

Я пошелъ вслѣдъ за ними и черезъ десять минутъ, неподвижно лежа въ кустарникѣ подъ высокой сосной, увидѣлъ на одной изъ ея верхнихъ вѣтокъ вожака, который выдѣлялся тамъ, наверху, отчетливымъ неподвижнымъ силуэтомъ въ послѣднихъ лучахъ зари. Я прислушивался къ его зову и къ отвѣтамъ, доносившимся со всѣхъ сторонъ сначала слабо, потомъ все громче и громче. Куропатки слетались къ новому мѣсту ночлега.

Но пора было ужъ пробираться къ дому; я повернулся и пошелъ къ своей лодкѣ. А до меня все время доносились звуки, слабые, вопрошающіе. Въ нихъ слышалась жалоба, слышалась грусть, — и я одинъ понималъ, почему такъ жалобенъ былъ въ этотъ вечеръ крикъ куропатокъ; я одинъ могъ бы отвѣтить на ихъ вопросъ, почему двѣ ихъ товарки не отвѣчаютъ нынче и не отвѣтятъ уже никогда на ихъ призывъ.

ГОЛУБАЯ
ЦАПЛЯ.

Голубая цапля.

Порою, когда вы неслышно скользите въ челнокъ вдоль берега, вдыхая свѣжесть затихшаго къ ночи лѣса и прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ, когда всѣ рѣзкіе звуки умолкаютъ и лѣсная тишь становится болѣе чуткой и гармоничной, уподобляясь натянутой струнѣ, на которой играть вѣтерокъ, — внезапный шорохъ и всплескъ воды подлѣ васъ нарушаетъ эту гамму неясныхъ, чуть различаемыхъ ухомъ звуковъ; и

тотчасъ же вслѣдъ за нимъ, прежде чѣмъ ночная тишь натянетъ вновь струны своей Эоловой арфы, другой звукъ, — протяжный крикъ: „Куоскъ? куоскъ-куоскъ?“ раздастся вдругъ вопросительно, и вамъ чудится тогда, будто это голосъ самой ночи, будто это она спрашиваетъ васъ изумленно, кто вы такой, что нарушаете ея тишину.

А между тѣмъ это только взлетѣла голубая цапля, разбуженная вашимъ челнокомъ, хотя вамъ и казалось, что онъ скользитъ безшумно, какъ сама

ночь. Она кружится съ минуту надъ вашей головой, различая васъ прекрасно, хотя вы не можете уловить даже тѣни ея широкихъ крыльевъ, а затѣмъ исчезаетъ куда-то въ нависшую вокругъ темноту, бросая еще разъ свое вопросительное „куоскъ?“ И вслушиваясь въ этотъ вопрошающій звукъ, замирающій въ ночной тиши, вы начинаете понимать, почему индѣйцы называютъ цаплю куоскъ, или голосъ ночи.

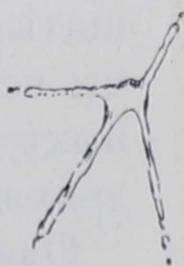
Днемъ голубая цапля такъ не кричитъ, днемъ она издаетъ рѣзкій, короткій, напоминающій карканье звукъ, а ночью вы ея не увидите, и поэтому вамъ трудно представить себѣ, что этотъ звукъ издаетъ тотъ самый спокойный, флегматичный рыболовъ, котораго вы видите порою въ лѣтній день на берегу тихаго озера, въ то время какъ онъ стоитъ на своихъ длинныхъ ногахъ и терпѣливо выжидаетъ добычу. Не разъ случалось, что опытные охотники, много бродившіе по лѣсамъ, спрашивали меня съ удивленіемъ: что это такое? когда имъ казалось, что само затихшее озеро спрашиваетъ вдругъ спросонокъ: „куоскъ? куоскъ?“ А между тѣмъ голубую цаплю они знали, или думали, что знали ее.

Впрочемъ, индѣйцы даютъ и другія имена этой цаплѣ, въ зависимости отъ другихъ ея свойствъ. Порою, когда я плылъ въ челнокѣ со своимъ индѣйцемъ и онъ гребъ такъ безшумно, что даже чуткая самка атайка оставалась спокойно со своими дѣтенышами въ травѣ, а олень продолжалъ себѣ пастись у самой воды, только цапля вдругъ тяжело поднималась надъ озеромъ и исчезала межъ деревьевъ. Тогда Симмо, мой индѣецъ, кото-

рому никогда, какъ бы тихо онъ ни гребъ, не удавалось подкрасться къ одной изъ этихъ большихъ птицъ, бормоталь на своемъ нарѣчїи: „куоскъ ксобеккъ“, что означаетъ: зоркая цапля.

Въ другой разъ, когда мы видѣли издали, какъ она хватаетъ своимъ длиннымъ клювомъ лягушекъ, Симмо говорилъ презрительно на своемъ музыкальномъ нарѣчїи: „куоскъ лягушатникъ“. А иногда, когда я поднималъ глаза отъ воды и глядѣлъ на противоположный низкій, поросшій травою берегъ, слѣдя за движеніями высокой голубовато-сѣрой тѣни, которая шагала точно на ходуляхъ крупными „семимильными“ шагами вдоль берега къ другому, кишашему большимъ количествомъ лягушекъ болотистому мѣсту, Симмо указывалъ мнѣ на нее весломъ и говорилъ: „Вотъ длинноногій дядюшка пошелъ искать, гдѣ побольше лягушекъ для своихъ птенцовъ. И ловкачи его птенцы, — прямо безъ счету пожираютъ лягушекъ, — добавлялъ онъ: — не правда ли?“

Пожалуй, изъ всѣхъ прозвищъ, — а Симмо давалъ цаплѣ еще не мало и другихъ прозвищъ во время нашихъ лѣтнихъ поѣздокъ, „длинноногій дядюшка“, было самымъ подходящимъ. Я не разъ удивлялся тому, какъ далеко разставлены одинъ отъ другого слѣды ея голенастыхъ ногъ на прибрежномъ пескѣ. Цапля вмѣстѣ съ

выпью однѣ изъ самыхъ древнихъ земныхъ обитательницъ. Теперь онѣ стали только меньше, тоньше и граціознѣе, приспособляясь къ нашимъ обмельвшимъ рѣкамъ и измѣненной земной поверхности; но если и теперь ноги и шея цапли непропорціонально длинны, то каковы же должны были быть ноги тѣхъ гигантскихъ цапель каменнаго періода, слѣды которыхъ отпечатлѣлись на прежнихъ геологическихъ пластахъ, глубоко подъ землею, которыя жили въ тѣ давніе вѣка, когда люди не заселяли еще землю?

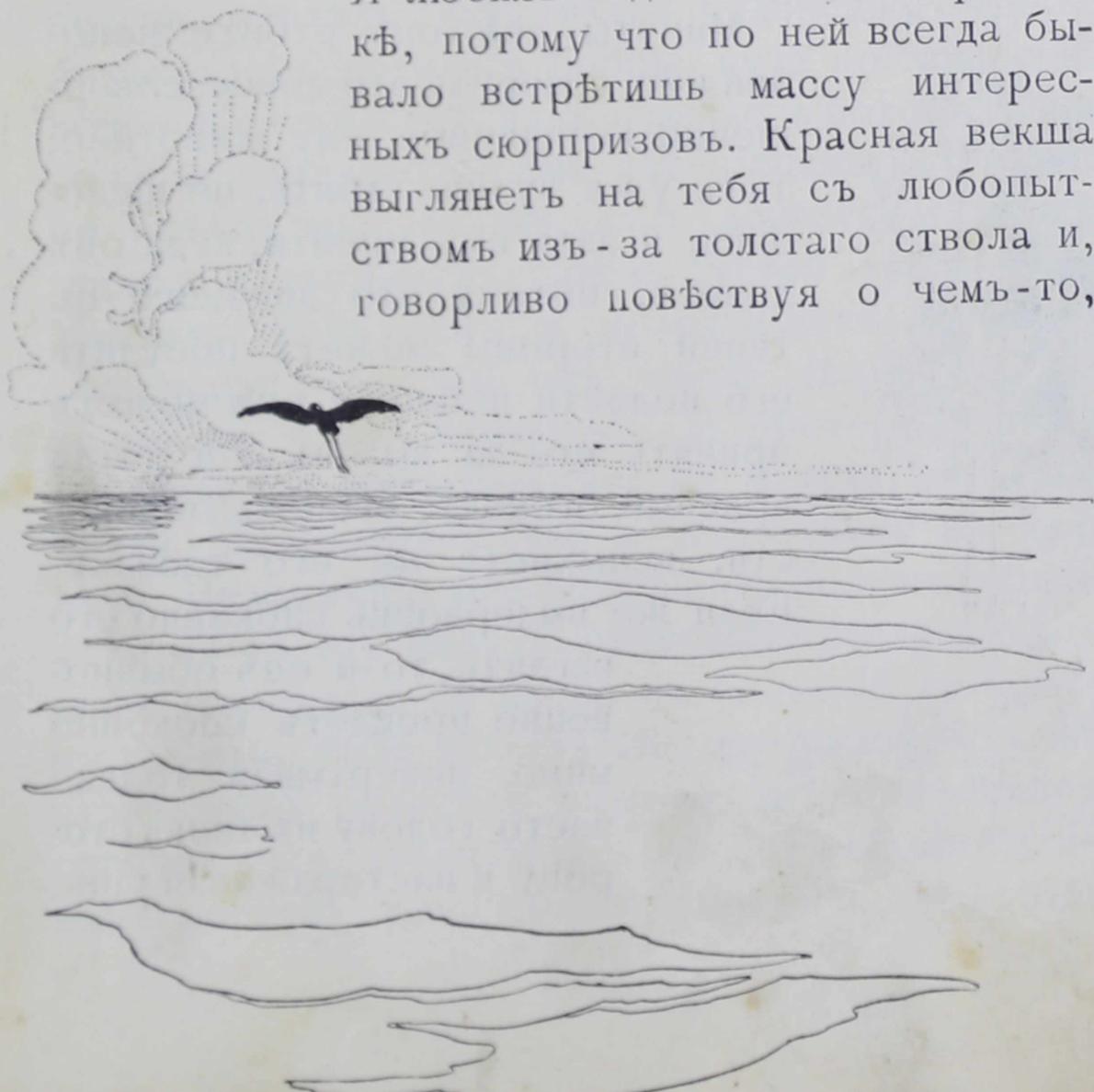
Отъ этихъ древнихъ предковъ унаслѣдовала, вѣрно, цапля и свою вѣчную молодость. Насколько мы можемъ наблюдать, по крайней мѣрѣ, годы не измѣняютъ какъ будто цаплю. Она такъ же молода или стара, какъ сама земля; она—точно мартовскій день, въ которомъ весна соединяется съ зимой,—солнце встаетъ среди зимняго ландшафта, а закатывается уже среди весенняго. Кто видѣлъ когда-нибудь голубую цаплю съ потускнѣвшими глазами, съ одряхлѣвшими членами? Кто находилъ которую-нибудь изъ нихъ спящей или пошатающейся на своихъ длинныхъ ногахъ, какъ мы встрѣчаемъ часто нашихъ обыкновенныхъ лѣсныхъ птицъ, съ трудомъ хватающихся за вѣтку дряхлыми, слабѣющими членами?

Одинъ морякъ рассказывалъ мнѣ, что, когда онъ плылъ разъ по океану, далеко отъ берега онъ видѣлъ мертвую голубую цаплю, лежащую на водѣ съ распростертыми крыльями, и это единственный разъ, когда мнѣ пришлось слышать о цаплѣ, не пользовавшейся чутко и проворно всѣми своими чле-

нами. Можетъ-быть, какой-то старый инстинктъ, какъ воспоминаніе, просыпается въ цаплѣ, когда она чувствуетъ приближеніе смерти, и побуждаетъ ее летѣть послѣдними, смѣлыми взмахами крыльевъ въ тотъ необъятный, таинственный океанъ, по берегу котораго еще предки ея въ далекіе отъ насъ вѣка ходили безпокойно и неудовлетворенно взадъ и впередъ, прислушиваясь къ голосу океана, точно звавшему ихъ куда-то далеко, далеко, куда и она рѣшалась полетѣть лишь передъ самою смертью.

Какъ разъ неподалеку отъ моей палатки, которую я раскинулъ разъ лѣтомъ на берегу большого озера, шла въ лѣсъ узенькая, чуть примѣтная тропинка съ безконечными поворотами и извилинами.

Я любилъ ходить по этой тропинкѣ, потому что по ней всегда бывало встрѣтишь массу интересныхъ сюрпризовъ. Красная векша выгянетъ на тебя съ любопытствомъ изъ-за толстаго ствола и, говорливо цовѣствуя о чемъ-то,

побѣжить выше и выше по нему. Или раздастся легкій трескъ въ кустарникѣ, когда перебираешься черезъ кучу валежника; остановишься, вздрогнувъ, и оглядишься: бѣлый флагъ, мелькающій въ кустахъ, и за нимъ другой такой же, поменьше, скажутъ тебѣ, что ты потревожилъ лань съ косулей, которыя прилегли отдохнуть подъ валежникомъ. А дальше, при поворотѣ тропинки, сквозь деревья проступаетъ что-то неясное, сѣрое и массивное, и, прячась поспѣшно за ближайшее дерево, на тебя вдругъ выгянетъ огромная голова съ вѣтвистыми рогами, раздутыми ноздрями, большими горящими глазами и ушами, направленными, какъ двѣ трубы, прямо на тебя, — ухъ! какой огромный американскій олень!

Минуты двѣ онъ стоитъ неподвижно, созерцая это новое, совершенно незнакомое ему животное; тутъ ужъ лучше стоять, не шевелясь, и дать ему пройти, куда онъ хочетъ, потому что движеніе съ твоей стороны можетъ побудить его подойти поближе, онъ можетъ принять его за вызовъ — и тогда красный огонекъ, огонекъ опасности, вспыхнетъ въ его глазахъ. Если же выдержишь спокойно его взглядъ, то и онъ обыкновенно пройдетъ спокойно мимо, повертывая только часто голову въ твою сторону и настораживая уши.

Потомъ, успокоившись окончательно, онъ опуститъ свои рога на спину, вытянетъ морду и, втягивая въ себя встрѣчные запахи, уже не заботясь о тебѣ, пойдетъ крупными легкими шагами дальше и дальше, черезъ кучи валежника, и исчезнетъ изъ глазъ.

Всегда-то находилъ я какой-нибудь сюрпризъ на узкой тропчкѣ, — сову, зайца или колючаго дикобраза, шуршащаго своими колючками, какъ стрѣлами въ колчанѣ, и возглашавшаго свое индѣйское имя: „Унк-вункъ, унк-вункъ!“

И вотъ разъ, пройдя подальше и убѣдившись, что безцѣльная тропка окончательно заблудилась, я пришелъ подъ густую тѣнь занавѣсомъ нависшихъ омелъ и подъ ними, подъ густой каймой зелени, увидѣлъ гладь тихаго уединеннаго озера, въ которомъ водились бобры, куда приходили на водопой олени и гдѣ, какъ оказалось потомъ, жила голубая цапля со своими дѣтенышами. Я увидалъ ея гнѣздо тотчасъ же, какъ дошелъ до конца тропки и выглянулъ сквозь густой кустарникъ. Увидалъ я въ немъ и молоденькихъ цапель и поразился: что это онѣ такое дѣлаютъ?! Ну, точно въ куклы играютъ!.. Я протеръ глаза и приглядѣлся внимательнѣе; но издали мнѣ было трудно разсмотрѣть, что у нихъ такое въ клювахъ. Недоумѣніе мое разрѣшила большая цапля, которая въ эту минуту, прекрасно различивъ мои шаги, поднялась съ озера съ большой лягушкой (остальныя были припрятаны въ укромныхъ мѣстахъ); она полетѣла тяжело, сгорбивъ спину, согнувъ свою длинную шею, со спущенными длинными ногами, прямо къ скрытому въ омелѣ гнѣзду.

Изъ ея длиннаго клюва висѣла несчастная лягушка, захваченная поперекъ тѣла, точно большими ножницами; туго сжатая посрединѣ, она раздулась въ обѣ стороны, точно подушка, перевязанная веревкой; голова ея и короткія лапки висѣли съ одной стороны, длинныя заднія — съ другой, и это такъ походило издали на набитую тряпичную куклу, которую мать несла своимъ дѣтямъ.

И чѣмъ чаще приходилъ я наблюдать ея, тѣмъ больше заинтересовывала меня цапля, особенно тѣмъ, что вслѣдствіе ея чрезвычайной осторожности очень трудно было подойти къ ней поближе, и мнѣ это удалось лишь тогда, когда я лучше изучилъ ея привычки, — всего раза три-четыре въ лѣто.

Разъ я пришелъ къ озеру ранымъ-рано утромъ и сѣлъ на большую корягу на берегу; кругомъ нея разрастались ягодные кусты, доходившіе мнѣ до плечъ. „Буду сидѣть здѣсь совсѣмъ смирно, — подумалъ я, — и никто, даже сойка, не примѣтитъ меня“.

Оно такъ и вышло: сойки, вѣроятно, не видавшія раньше, человѣка въ этой глуши, прилетали и клевали ягоды на разстояніи какой-нибудь сажени отъ моего лица, не замѣчая ничего особеннаго; потомъ онѣ увидѣли-таки меня и стали присматриваться, сначала однимъ глазомъ, потомъ другимъ; онѣ стали подлетать поближе, взлетать на вѣтку надъ моей головой, съ удивленнымъ пронзительнымъ „бурр“. Онѣ сидѣли тамъ, — однѣ нѣсколько секундъ, другія, болѣе любознательныя, съ минуту, неотступно слѣдя за мной; иногда какая-нибудь болѣе нетерпѣливая пичужка

не выдерживала и спускалась вдругъ къ самому моему лицу, задѣвая меня крыльями, чтобы я пошевелился наконецъ и показалъ, что я такое.

Вотъ къ водѣ подошелъ по ту сторону небольшого заливчика, образуемаго озеркомъ, на такомъ разстояніи отъ меня, что я могъ бы докинуть туда камень, напитокъ красивый олень; онъ опустилъ морду въ воду, но вдругъ поднялъ ее и началъ безпокойно повертываться и настораживаться: очевидно, къ нему донесся по вѣтру какой-то неясный запахъ, указывающій на мое присутствіе, но опредѣлить его онъ не могъ. Повертѣвшись немного, онъ облизнулъ свои ноздри, какъ это дѣлаетъ корова, чтобы онѣ стали влажными и чутье сдѣлалось поострѣе, и сталъ снова принюхиваться.

По правую же сторону отъ меня, и гораздо ближе, лань паслась спокойно, не подозрѣвая моего присутствія. Выдра пробѣжала у самыхъ моихъ ногъ, подпрыгивая и приостанавливаясь и поминутно скрываясь межъ каменьева и корней. Это всегдашняя манера выдръ, — онѣ знаютъ, какая у нихъ блестящая черная шкурка, какъ отчетливо выдѣляется она на песчаномъ берегу для совъ или ястреба, а потому онѣ не пробѣгутъ никогда и сажени, чтобы не спрятаться на минуту за корень или камень, и предпочитаютъ бѣжать по тѣмъ корнямъ и камнямъ, которые по чернѣе.

Зимородокъ спустился съ своимъ музыкальнымъ крикомъ „к-лепъ“ къ стайкѣ игравшихъ противъ меня на поверхности пескарей; рыболовъ тяжело слетѣлъ къ водѣ и поднялся съ крупнымъ голов-

лемъ. И ни одинъ-то изъ этихъ чуткихъ и зоркихъ лѣсныхъ жителей не увидалъ меня и не замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ. Наконецъ, на зелени противоположнаго берега показалась голубая волнистая линія, похожая на лукъ; она приближалась все ближе и ближе, и я разсмотрѣлъ голубую цаплю, летѣвшую на добычу.

Вотъ она остановилась какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ стоялъ олень, сложила свои большія крылья, вытянула скрюченную шею и, спустивъ, какъ два маятника, внизъ свои

висѣвшія немного назадъ длинныя ноги, встала легко на тинистый берегъ. Мѣстность была ей хорошо извѣстна: она знала всякій заливчикъ, всякое мелкое мѣстечко, кишашее лягушками, но все это не могло усыпить ея бдительности. Спустившись на землю, она вся вытянулась, почти въ человѣческой ростъ, и стала зорко осматриваться; ея желтые глаза и желтый клювъ блестяли на солнцѣ, и голова ея повертывалась на-

право и налѣво на длинной шеѣ, какъ флюгеръ на шестѣ. Когда флюгеръ повернулся въ мою сторону, я затаилъ дыханіе и притихъ еще больше.

Я думалъ, что я такъ хорошо спрятался за кустарникомъ, что ничей взглядъ не разсмотритъ меня на такомъ разстояніи; и дѣйствительно, флюгеръ сталъ поворачиваться отъ меня... Я усмѣхнулся самодовольно, рѣшивъ, что проведу цаплю. Но я забылъ, что птицы не смотрятъ обыкновенно прямо передъ собой: когда клювъ ея отошелъ отъ меня настолько, что на меня былъ устремленъ ея лѣвый глазъ, флюгеръ вдругъ пересталъ вертѣться. Цапля вся застыла на минуту, а ея пронизательный глазъ, казалось, хотѣлъ пронзить меня насквозь. Потомъ она вся скорчилась, какъ это дѣлаютъ всегда цапли передъ тѣмъ, чтобы полетѣть, распустила крылья, поднялась тяжело на самое высокое прибрежное дерево и, вставъ на сухой сукъ, повернула снова голову ко мнѣ. Я и глазомъ не моргнулъ; но она все-таки разсмотрѣла меня. Она снова скрючилась, поднялась высоко надъ деревьями и, взмахивая красиво и сильно крыльями, полетѣла куда-то дальше,—къ другому озеру или болоту, гдѣ бы никто не беспокоилъ ея и не докучалъ ей.

Эта пронизательность цапли не только не отбила у меня охоту, но только раззадорила еще посмотрѣть, и непременно поближе, какъ она ловить лягушекъ. И вотъ я устроилъ себѣ изъ спускавшихся вѣтвей густо разросшейся неподалеку отъ кишашаго лягушками заливчика ели настоящія ширмы на будущее время, а самъ пошелъ наблюдать за другими обитателями лѣса.

На слѣдующій день цапля на берегу не показывалась, свѣжихъ слѣдовъ не было видно. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ то, что мнѣ удалось прослѣдить потомъ изъ привычекъ цапли: какъ всякій хорошій рыболовъ, она ловить всегда съ одного и того же мѣста съ перерывами, а не подъ рядъ, какъ бы хорошъ ни былъ уловъ. Такъ она прилетѣла на это мѣсто на третье утро,

потомъ на шестой вечеръ, затѣмъ на девятое утро и т. д. — съ чрезвычайною правильностью за все время, пока я наблюдалъ за ней. Въ другіе же дни я натыкался на нее иногда совсѣмъ неожиданно на довольно отдаленныхъ озерцахъ и болотахъ или же видѣлъ, какъ она летѣла откуда-то издалека высоко надъ лѣсомъ; но эти встрѣчи были неправильны, и я думаю, что правильность посѣщенія цапли соблюдаетъ лишь по отношенію къ ближнимъ мѣстамъ охоты, а вдаль

отправляется только тогда, когда желаетъ нѣкотораго разнообразія или лягушекъ покрупнѣе, какъ рыболовы всѣхъ породъ, или же тогда, когда пищи поблизости недостаточно для удовлетворенія ненасытнаго аппетита ея подрастающаго потомства.

Всего лучше мнѣ удалось наблюдать цаплю на шестой вечеръ. Я сидѣлъ въ своей засадѣ у озерка, когда увидалъ шагающую по берегу цаплю. Она вертѣла головой въ поискахъ за лягушкой, потомъ ловила ее очень осторожно и

въ то же время мѣтко. Она прекрасно знала, что лягушки вѣчно насторожѣ, не появятся ли откуда-нибудь длинныя, какъ ходули, ноги, и поэтому она двигалась безшумно и выстаивала порою подолгу, какъ сѣрая коряга, торчащая изъ болота; затѣмъ вся наклонялась впередъ, а голову откидывала назадъ, чтобы ударъ былъ быстрѣе и вѣрнѣе. Вотъ слѣдовало молниеносно быстрое движеніе,—и голова цапли поднималась съ лягушкой въ клювѣ; она сильно встряхивала ее, потомъ ударяла ее о сосѣдній камень или корягу и спускала убитую куда-нибудь въ густую траву, заботливо укрывая ее отъ посторонняго взгляда. потомъ все такъ же степенно и осторожно она шла на охоту за слѣдующей лягушкой, и ея голова, напоминающая флюгеръ, вертѣлась направо и налево, въ поискахъ за лягушками или въ подглядываньи, нѣтъ ли гдѣ по сосѣдству врага.

Если зоркій глазъ ея ловилъ мелькающую въ осокѣ рыбу, то она не ловила ее, какъ лягушекъ, а вся затихала въ ожиданіи, въ какой бы позѣ она ни находилась передъ тѣмъ: если она приподняла ногу, чтобы шагнуть, то такъ она и простаивала съ приподнятой ногой, не шелохнувшись, иногда по получасу; она знала, что всякое движеніе съ ея стороны заставитъ рыбу уйти быстро въ самую глубь. И вотъ она ждала съ выгнутой шеей, прицѣливаясь своимъ длиннымъ клювомъ на играющую рыбку, полузакрывъ глаза, — ждала удобной минуты. И потомъ вдругъ я ви-

дѣль быстрое движеніе, слышала всплескъ воды и шлепокъ рыбой о камень. И снова длинноногій охотникъ шагаль въ траву, заботливо запрятывая добычу отъ рыболововъ, выдры или иного какого хищника. Прятала она ее въ то же мѣсто, куда и первую, если находилась поблизости; если же нѣтъ, то въ какое-нибудь другое мѣсто, все равно какое, и опять ловила, и опять прятала. И никогда-то она не забывала всѣхъ многочисленныхъ мѣстъ, куда засовывала свою добычу. Считала ли она своихъ лягушекъ и рыбъ, или просто запоминала каждое мѣсто, этого я уже не могу сказать.

Порою, когда я спугивалъ ее съ тинистаго берега и она улетала поспѣшно, не захвативъ ни одной штуки изъ всего наловленнаго ею, я шель по ея слѣдамъ и, раскрывая траву, смотрѣлъ, чего она наловила. Лягушки, рыбы, ракушки, молоденькія выдры, — всѣ онѣ лежали убитыя и спрятанныя искусно подъ сухой травой или тиной. Я прикрывалъ все снова. А разъ я перешель на противоположный берегъ, спрятался тамъ за кусты и сталъ выжидать, когда цапля вернется за своей добычей. Прошло больше часа, пока она прилетѣла обратно; она осмотрѣла внимательно слѣды, подвигаясь впередъ съ еще большею, чѣмъ всегда, осторожностью, потомъ подошла прямо къ найденнымъ мною тремъ мѣстечкамъ и еще къ двумъ, которыхъ я не нашель, и полетѣла къ гнѣзду съ цѣлой бахромой изъ рыбъ и лягушекъ въ клювъ.

Передъ тѣмъ, какъ захватить ихъ въ клювъ, цапля уложила ихъ на землѣ на манеръ спиць въ колесѣ, — похоже на это дѣлаеть и лисица, —

головами въ одну сторону, и затѣмъ хвостъ или ногу послѣдняго положила поперекъ всѣхъ этихъ тѣлъ, такъ чтобы, хватаясь за нихъ въ перекрещенномъ мѣстѣ, держать по возможности большее количество маленькихъ звѣрушекъ и рыбъ и не растерять ихъ по дорогѣ.

Ракушки она вѣроятно ѣла сама,—я ни разу не видѣлъ, чтобы она уносила ихъ, хотя запрятанными на берегу ихъ находилъ; разбивать она могла ихъ или клювомъ,—какъ мы грыземъ орѣхи,—или же сильнымъ ударомъ о камень, какъ она убиваетъ лягушекъ. Она не знала вѣроятно, да и нужды не было знать, способа чайки, которая поднимается обыкновенно съ крѣпкой ракушкой высоко надъ берегомъ и бросаетъ ее затѣмъ на камни, чтобы она разбилась.

Когда цапля ловить не для своихъ птенцовъ, а для себя, то она еще болѣе медлительна въ своихъ движеніяхъ и безконечно терпѣлива, какъ истый рыбакъ: для птенцовъ ей все же приходится торопиться, чтобы ихъ громкій крикъ не привлекъ къ гнѣзду какого-нибудь хищника.

Разъ я видѣлъ, какъ цапля ловила рыбу на приманку,—точь въ точь какъ рыбаки ловятъ скумбрію. Она поймала какую-то маленькую рыбешку, пошла съ ней въ глубокое мѣсто подъ тѣнистымъ берегомъ, раскрыла ее тамъ на куски и бросила въ воду, туда, гдѣ выплываютъ играть цѣлыя стада рыбъ.

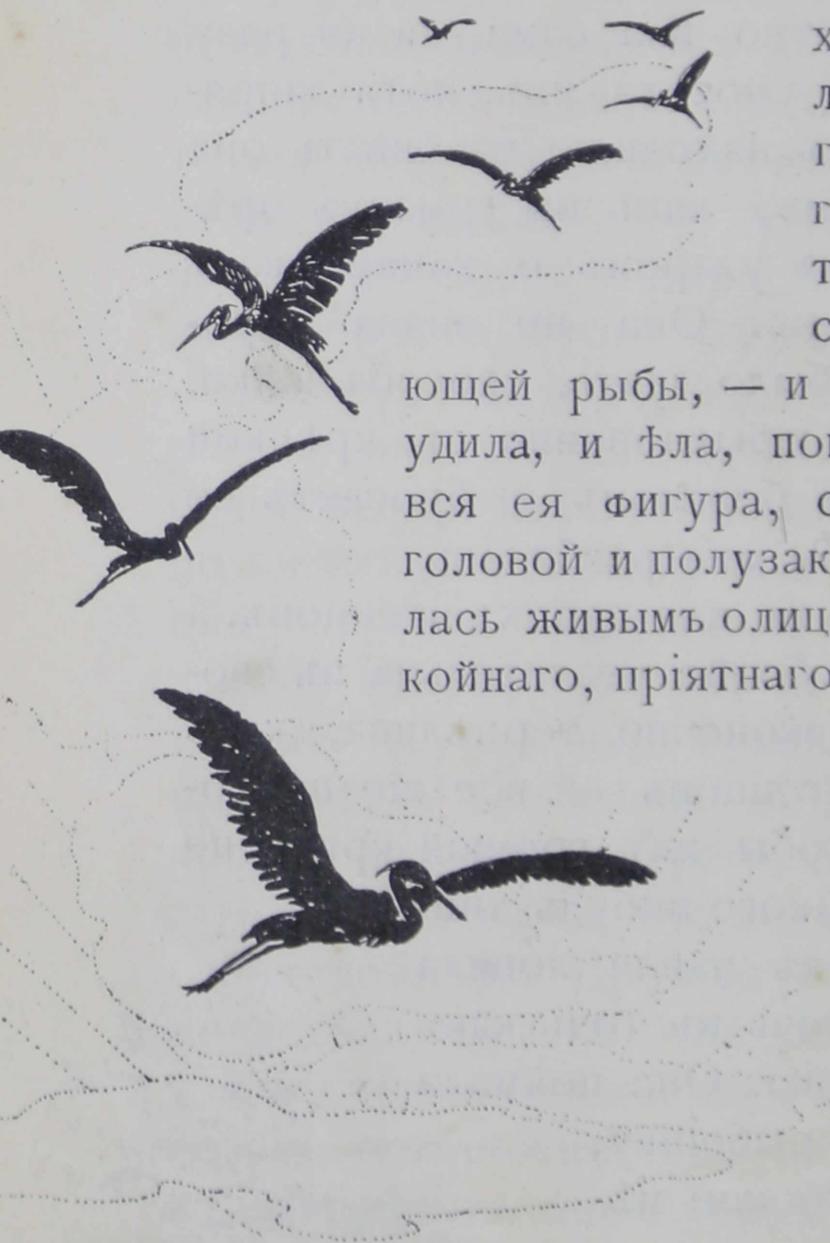

Сама же она отошла въ сторону, подъ нависшія древесныя вѣтки, и встала тамъ неподвижно по колѣни въ водѣ, вся скрючившись и прижавъ голову къ тѣлу. Когда какая-нибудь рыба подплывала къ приманкѣ, цапля

съ быстротой молніи хватала ее, откидывала голову назадъ и глотала, обыкновенно головой впередъ. Затѣмъ она притихала снова и ждала слѣдующей рыбы, — и такъ она стояла, и удила, и ѣла, пока не насытилась. И вся ея фигура, со втянутой въ шею головой и полужакрытыми глазами, являлась живымъ олицетвореніемъ того спокойнаго, пріятнаго созерцанія, которое свойственно вообще рыбакамъ.

И много другихъ привычекъ цапли изучилъ я, приходя наблюдать изъ-за кустовъ ея гнѣздо. Оно помѣщалось на большомъ и зыбкомъ зеленомъ болотѣ, тянущемся по одну сторону озера, съ маленькими островками болѣе сухой почвы, на которой росло по нѣскольку деревьевъ. На одномъ изъ этихъ островковъ пріютилась цѣлая колонія цапель. Днемъ онѣ разлетались, широко

Днемъ онѣ разлетались, широко

размахивая крыльями,—каждая пара къ своему мѣстечку уженья; когда же солнце близилось къ закату и просыпались ночные хищники, цапли слетались домой, описывая красивыя голубоватыя дуги на вечернемъ небѣ, въ лучахъ заходящаго солнца, чтобы побыть поближе другъ къ другу и помочь скоротать длинную ночь.

Я долго наблюдалъ за своей цаплей и могъ бы отличить ее отъ всѣхъ другихъ и по виду и по голосу,—она отличалась большими размѣрами и какимъ-то особеннымъ, двойнымъ крикомъ; гнѣздо ея помѣщалось въ густой тѣни омелъ. Поблизости отъ него въ высокой развилинѣ высохшаго дерева помѣщалось другое гнѣздо, которое цапли выстроили, очевидно, нѣсколько лѣтъ назадъ и подновляли каждый годъ, потому что оно не пришло въ разрушеніе,—а между тѣмъ сами онѣ не пользовались имъ, а поселились въ омелѣ. Обѣ птицы часто прилетали въ старое гнѣздо, и я думалъ, не хитрость ли это съ ихъ стороны, что онѣ поддерживаютъ то гнѣздо, находящееся на виду у всѣхъ, не намѣренно ли хотятъ онѣ отвлечь такимъ образомъ вниманіе хищниковъ отъ настоящаго гнѣзда, гдѣ птенцы такъ хорошо скрыты за вѣтками омелы, что ихъ совсѣмъ не видно, и каждому бросается въ глаза лишь то, ясно видимое для всѣхъ, гнѣздо на верхушкѣ сухого дерева. Я не могу, конечно, сказать съ увѣренностью, что это была дѣйствительно хитрость, а не простая случайность; но если предположеніе мое вѣрно, то цапли дошли до нея горькимъ опытомъ. Не одинъ выводокъ ихъ птенцовъ погибъ, вѣроятно, на зубахъ хорька или подъ клю-

вомъ зимородка, пока цапля додумалась до такого гнѣзда для отвода глазъ, куда забирались бы голодные хищники и откуда она могла бы, ясно различая ихъ на голомъ деревѣ, убить ихъ своимъ крѣпкимъ клювомъ или сбить на землю ударомъ своихъ сильныхъ крыльевъ, прежде чѣмъ они замѣтятъ свое заблужденіе.

Въ бинокль я могъ разсмотрѣть обыкновенно, что именно несла цапля своимъ птенцамъ. Разъ изъ клюва ея висѣла длинная змѣя; въ другой разъ это была какая-то птичка; два раза она приносила имъ какихъ-то маленькихъ животныхъ, какихъ именно, я не могъ разсмотрѣть: такъ быстро она разрывала ихъ на части для своихъ птенцовъ. Всего же чаще я видѣлъ въ ея клювѣ рыбъ и лягушекъ. А еще какъ-то я увидѣлъ изъ своей засады, что цапля-мать быстро слетѣла со своего гнѣзда и, описавъ кругъ надъ озеромъ, спустилась за густые ягодные кусты, гдѣ ея зоркіе глаза разсмотрѣли, очевидно, какое-то животное. Послышался шорохъ въ кустахъ, — это цапля преграждала путь кому-то своимъ большимъ крыломъ, — слышались удары ея клюва, напоминавшаго дротикъ, и немного спустя она тяжело поднялась изъ кустовъ, неся молоденькаго зайчика, котораго положила потомъ на край гнѣзда и, разрывая на части, стала кормить имъ своихъ голодныхъ птенцовъ.

Но вотъ, наконецъ, наблюденія издали перестали удовлетворять меня, — мнѣ захотѣлось поглядѣть поближе на молоденькихъ цапель, на то,

что приносить имъ мать, и я рѣшилъ вскарабкаться на высокое дерево къ ихъ гнѣзду. Разъ, когда мать принесла имъ какое-то животное,—кажется выдру,—я вышелъ вдругъ изъ своей засады и пошелъ прямо къ гнѣзду. Я слышалъ голосъ матери, напѣвающей имъ „баюшки-баю“ довольно хриплымъ на мой взглядъ, но для нихъ несомнѣнно пріятнымъ голосомъ. Потомъ я увидѣлъ при свѣтѣ сумерекъ гнѣздо и цаплю-мать, стоявшую на немъ высокимъ красивымъ силуэтомъ, точь въ точь солдатъ на часахъ. „Ну, теперь я доберусь къ гнѣзду и осмотрю его хорошенько“,—подумалъ я.

Встревоженная моими шагами цапля-мать быстро слетѣла съ гнѣзда, надѣясь, очевидно, что оно слишкомъ хорошо скрыто въ вѣтвяхъ и что я не замѣчу его: ей и въ голову не приходило, что я давно наблюдаю за нею. Я полѣзъ. Лѣзть приходилось съ трудомъ, особенно стала затруднять меня, когда я поднялся ближе къ гнѣзду, густая сѣть вѣтвей, покрытыхъ вонючими, гниющими остатками. Цапля учить своихъ птенцовъ соблюдать обстоятельную чистоту въ гнѣздѣ и выкидывать изъ него всѣ остатки. Не разъ я видѣлъ, наблюдая за этимъ и другими гнѣздами, какъ мать толкаетъ своихъ птенцовъ къ краю гнѣзда, научая ихъ выбрасывать остатки.

Я пріостановился въ нерѣшительности, поглядывая на эти грязныя вѣтки надъ моей головой, и вдругъ черезъ нихъ сверкнуло что-то. Это былъ глазъ молоденькой цапли, который пристально слѣдилъ за мной, хотя она и хитрила, закрывая его на половину, на манеръ матери. Вотъ я уви-

даль и ея клювъ. Перебираясь на другой сукъ, я потерялъ ее на минуту изъ виду; потомъ, взглянувъ кверху, увидѣлъ другой блестящій глазъ и другой длинный клювъ, потомъ—третій. Я видѣлъ, взбираясь все выше и выше, что онѣ все время неотступно слѣдили за мной; я поднялся настолько, что досталъ рукой до гнѣзда... Тогда громкій крикъ раздался въ немъ и... и произошло нѣчто неожиданное: три длинныхъ шеи свѣсились прямо надо

мною черезъ край гнѣзда, три длинныхъ клюва раскрылись надъ моею головою, и молодыхъ цапель стало вдругъ рвать,—рвать такъ, точно съ ними морская болѣзнь сдѣлалась или онѣ порошка рвотнаго приняли!..

Такъ мнѣ и не удалось посмотреть гнѣздо: въ эту минуту я только и думалъ о томъ, какъ бы слѣзть поскорѣе внизъ и вымыться въ озерѣ, а повторять свою попытку цапли отбили у меня

охоту,—я увидѣлъ, что онѣ умѣютъ защищаться, даже не прибѣгая къ своимъ клювамъ, а клювы у нихъ уже такъ отросли, стали такіе крѣпкіе и острые, что человѣкъ или звѣрь, который полѣзъ бы къ ихъ гнѣзду, рисковалъ бы и болѣе серьезнымъ: защищаться нечѣмъ, потому что руками или лапами приходится держаться за дерево, а цапли норовятъ обыкновенно попасть прямо въ глазъ, такъ что грозятъ слѣпотой или даже смертью, если вы не отличаетесь ловкостью и изворотливостью кошки. Лѣзть къ ихъ гнѣзду опасно, чѣмъ къ молодымъ орламъ.

И вотъ я сталъ опять наблюдать за цаплями лишь издали. Скоро мнѣ пришлось слѣдить за первыми уроками, которые давала имъ мать. Разъ я услышалъ болѣе сильный, чѣмъ обычно, крикъ въ гнѣздѣ и пошелъ потихоньку посмотрѣть, что такое случилось у цапель. Птенцы стояли на краю гнѣзда, вытягивая шеи и расправляя крылья; они пронзительно кричали, — очевидно, они были голодны. У матери въ клювѣ былъ кормъ, но она не подлетала къ нимъ, а стояла на верхушкѣ другого, сосѣдняго дерева, крича имъ на своемъ языкѣ, чтобы они сами летѣли за кормомъ. Послѣ долгихъ неустанныхъ попытокъ и долгаго крика птенцы поднялись-таки и полетѣли къ матери, но ихъ непривычныя ноги не сумѣли уцѣпиться за тонкую вѣтвь, и они стали падать, поддерживая себя крыльями. Тогда и мать, которая, очевидно, рассчитывала на это, полетѣла, сильно размахивая крыльями, внизъ и повела ихъ за собою

къ открытому мѣсту на берегу, гдѣ покормила ихъ кусочками того, что было у ней въ клювѣ. Потомъ она разрыла тину въ одномъ мѣстечкѣ и вытащила еще что-то, тамъ припрятанное. Когда все было съѣдено, она, ободряя ихъ своимъ крикомъ, пошла съ ними вдоль берега за дальнѣйшей добычей.

Я слѣдилъ за ними съ большимъ интересомъ. Цапля-мать шла осторожно впередъ, высматривая водоросли и водяныя лиліи, подъ которыми прячутся обыкновенно лягушки; птенцы слѣдовали за ней, неловко шагая по тинѣ, высоко поднимая ноги, какъ индюки, и шлепая ими такъ сильно, что распугивали всѣхъ лягушекъ поблизости. Флюгеръ матери наклонялся то вправо, то влѣво, и шеи птенцовъ тянулись за ней. Съ изумленіемъ вглядывались они въ окружающій ихъ новый міръ. Вдругъ подлѣ нихъ громко квакнула лягушка и нырнула въ воду или просто сѣла въ тину, такъ какъ тутъ было очень мелко; только извилистая полоска на водѣ указывала, куда она усѣлась.

Лягушка похожа въ этомъ отношеніи на страуса: если она ничего не видитъ потому, что голова ея внизу, то она думаетъ, что и ее никто не видитъ; но цапля-мать насторожилась, послѣдила за бульканьемъ воды, устремила свой клювъ прямо туда, куда спряталась глупая лягушка, и крикнула. Птенцы поспѣшили къ ней, направляя свои клювы по тому же направленію, и ждали, и глядѣли, пока не различили задъ лягушки, и одинъ изъ нихъ быстрымъ какъ молнія ударомъ подцѣпилъ ее. Тогда въ бинокль можно было раз-

смотримъ, какъ несчастная лягушка барахталась, исчезая въ длинномъ клювѣ цапли. Иногда птенцамъ не сразу удавалось поймать лягушку; тогда мать слѣдила за быстрымъ метаніемъ перепуганнаго животнаго и опять указывала клювомъ молодымъ на мѣсто, гдѣ она спряталась. И затѣмъ вся семья двигалась весело дальше, точно толпа мальчугановъ на ходуляхъ, къ слѣдующему пучку водяныхъ лилій.

Когда птенцы подросли и стали крѣпче стоять на ногахъ, я замѣтилъ у нихъ странную привычку танцовать, свойственную большинству нашихъ длинноногихъ, болотныхъ птицъ. Сидя спокойно въ своемъ челнокѣ, я видѣлъ иногда, какъ молодая цапля спускается на берегъ. Какъ только ноги ихъ коснутся земли, онѣ не идутъ за лягушками и рыбами, онѣ даже не думаютъ о пищѣ, а начинаютъ подплясывать, покачиваясь, вертясь, растопыривая крылья, подпрыгивая другъ возлѣ друга, — ну, точно кто заколдовалъ ихъ. Проскачутъ нѣсколько секундъ такъ и потомъ зашагаютъ степенно по берегу, точно стыдясь своего легкомыслія; но иногда желаніе плясать охватываетъ ихъ снова, и послѣ нѣсколькихъ степенныхъ шаговъ онѣ начинаютъ вдругъ вновь подпрыгивать, точно одержимыя какимъ-то бѣсомъ. Это случалось обыкновенно къ вечеру, когда птицы

бывали уже сыты и имъ хотѣлось поиграть, а можетъ-быть, онѣ чувствовали потребность расправить члены, готовясь къ длинному осеннему путешествію.

Въ первый разъ я видѣлъ этотъ странный танецъ еще давно, въ дѣтствѣ, и, помню, онѣ тогда сильно поразилъ меня. Помню, я услышалъ вдругъ рѣзкій, какой-то особенно громкій крикъ цапли; большая цапля приподнялась надъ кустарникомъ и опять спустилась на землю, — крикъ продолжался. Тогда я подкрался посмотреть, изъ-за чего столько крику, и увидалъ, что кричала не одна, а восемь или десять цапель, выплясывавшихъ на открытомъ берегу какой-то странный танецъ. Вѣтка хрустнула подъ моими ногами, и вся стая разлетѣлась. Это было уже въ сентябрѣ, передъ самымъ отлетомъ, и въ цапляхъ пробудился, очевидно, инстинктъ слетаться стаями и готовиться къ путешествію, — въ нихъ заговорили вдругъ, для нихъ самихъ неясно, обрывки какихъ-то воспоминаній ихъ отцовъ, ихъ дѣдушекъ и бабушекъ... А можетъ-быть, онѣ и удовольствіе находятъ въ этихъ прыжкахъ, — вѣдь выплясываемъ же мы иногда до седьмого пота какіе-нибудь свои танцы, что можетъ также казаться страннымъ со стороны; не даромъ одинъ китаецъ, присутствовавшій на балу, спросилъ разъ участливо: „Почему вы не заставите свою прислугу продѣлывать это вмѣсто васъ?“

Я наблюдалъ такую пляску и у сѣрыхъ лѣсныхъ цапель и у потатукъ, и въ зоологическомъ саду разъ видѣлъ, какъ выплясывали огромные африканскіе журавли, и я думаю по-

этому, что эта привычка свойственна всѣмъ голенастымъ.

Я сидѣлъ разъ тихонько подъ деревьями, когда къ озеру спустилась цапля съ птенцами. Они спустились къ тому мѣсту, гдѣ въ озеро впадалъ небольшой ручеекъ, и цапля, оставивъ птенцовъ на берегу, пошла сама поудить въ ручѣй подъ ольхами. Я поднесъ къ глазамъ бинокль и увидѣлъ, что высокая трава подлѣ молодыхъ цапель сильно закачалась, и всѣ три птицы моментально сгорблились, какъ дѣлаютъ всегда цапли при опасности. Двѣ отскочили, третья же растопырила только крылья, и въ ту же минуту какое-то черное животное выскочило изъ травы и, бросившись къ ней на шею, повалило ее на траву; цапля билась и отчаянно кричала.

Я снялся тотчасъ же съ якоря и сталъ грести въ томъ направленіи, чтобы разсмотрѣть, что случилось и какое это животное выскочило изъ травы. Не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколько взмаховъ веслами, какъ ольхи надъ ручьемъ закачались, и вылетѣвшая оттуда цапля-мать стрѣлой спустилась надъ судорожно вздрагивающими крыльями своего птенца. Лишь только ноги ея коснулись земли, она хлопнула съ силою раза два крыльями и, втянувъ въ себя шею, быстро ударила своимъ длиннымъ клювомъ во что-то, что мнѣ было невидно за травой. Дикій крикъ раздался послѣ этого удара, и то же самое черное животное прыгнуло изъ травы къ шеѣ цапли. Начался ожесточенный бой: крылья шумно хлопали, цапля кричала, животное хрипѣло; всѣ предосторожности были излишни: дерущим-

ся было не до меня, и я подплывала ближе и ближе.

Вот наконец арена битвы была у меня прямо передь глазами. Животное оказалось куницей, или черной кошкой, какъ называютъ ее охотники, очень крупной и сильной. Два раза она со страшной быстротой бросалась, какъ пуля, на грудь гордо выпрямившейся высокой птицы, но всякій разъ отлетала назадъ подь ударомъ ея крѣпкаго крыла; она впивалась зубами въ ея перья, она рвала ихъ своими когтями, но не могла удержаться и съ визгомъ и съ хрипомъ летѣла назадъ въ траву. Обозленная, вскакивала она снова и снова бросалась; и вотъ прыжокъ оказался удачнѣе: куница подскочила выше и вцѣпилась въ плечо цапли, за кость. Дождемъ полетѣли перья, и подь тяжестью впившагося въ нее звѣрка цапля подалась впередъ и упала; но въ ту же минуту она скрючила шею и два раза съ силой ударила его своимъ острымъ клювомъ; это произошло такъ быстро, что я могъ только замѣтить, что дважды мелькнуло что-то желтое. Съ пронзительнымъ визгомъ черная кошка отскочила въ сторону и покатила, какъ бы ничего не видя, прямо по направленію ко мнѣ. Одного глаза уже не было; кровь, сочащаяся вдоль другого, показывала, что клювъ только чуть-чуть попалъ мимо.

Я содрогнулся невольно: я вспомнилъ, что самъ однажды чуть-чуть избѣжалъ участи несчастной куницы. Я былъ тогда еще ребенкомъ, и такъ какъ я страшно любилъ бродить по лѣсамъ, то побѣждалъ однажды за взрослымъ охотникомъ, съ гордостью таща его ягташь. Онъ застрѣлилъ боль-

Цапля защищает своих птенцовъ.

шую голубую цаплю, которая упала со сломаннымъ крыломъ въ тину подлѣ берега. Ему не захотѣлось, видно, ногъ мочить, и онъ, не подумавши, послалъ за ней меня. Когда я подбѣжалъ, цапля лежала спокойно, откинувъ назадъ голову. Я никогда не видалъ еще такой большой птицы и нагнулся, рассматривая ея длинный клювъ, ея блестящіе глаза.

Тогда я не зналъ еще того, что хорошо изучилъ впоследствии, а именно, что по глазамъ птицы или звѣря, — да даже и человѣка, — можно сказать съ точностью, когда послѣдуетъ нападеніе: огонекъ блеснетъ всегда въ глазахъ прежде, чѣмъ произойдетъ какое-либо движеніе, прежде, чѣмъ напрягутся мускулы. И тутъ, когда я близко вглядывался въ умный, пристальный взглядъ раненой птицы, я увидѣлъ вдругъ, что въ немъ блеснуло что-то, точно зайчикъ отъ зеркала. Я инстинктивно отшатнулся. Хорошо, что я сдѣлалъ это, такъ какъ въ ту же минуту что-то быстро, какъ молнія, мелькнуло по моему лицу, оставивъ длинный красный шрамъ отъ лѣвой брови къ уху. „Эй, Зонни, смотри, какъ бы она не укусила тебя!“ — крикнулъ безпечно охотникъ, но въ ту же минуту кинулся тревожно на мой крикъ, осмотрѣлъ торопливо мой шрамъ, мои глаза и съ блѣднымъ, перепуганнымъ лицомъ потащилъ меня прочь отъ цапли, точно отъ медвѣдя.

Пришелъ сентябрь, и цапли разлетѣлись. Молодые стали добывать уже самостоятельно себѣ пищу и всюду попадались въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ за ловлей лягушекъ или рыбъ; онѣ мѣсили тину своими длинными ногами, чтобы посмо-

трѣть, не нащупается ли подъ ними ракушка. На ночь онѣ не возвращались уже въ гнѣздо, а спали, гдѣ придется, и тѣни ихъ рисовались, точно тѣни часовыхъ при свѣтѣ сумерекъ или при лунѣ; онѣ выбирали себѣ уединенное мѣстечко на берегу и спали, стоя на одной ногѣ, прижавъ голову къ туловищу.

Я удивлялся, какъ осмотрительно выбирали себѣ мѣсто эти совсѣмъ молоденькія цапли.

Днемъ онѣ становились подъ бережкомъ или въ высокой травѣ, гдѣ были почти невидимы вслѣдствіе своей нѣжной окраски; ночью же выбирали себѣ, наоборотъ, открытое мѣсто, откуда можно было видѣть далеко

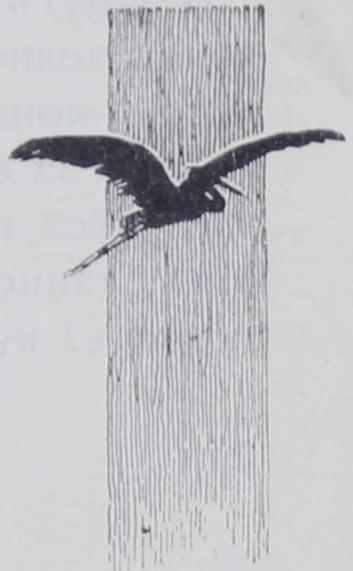
кругомъ, гдѣ не было поблизости высокой травы и кустовъ, за которыми могъ бы скрыться врагъ. Тамъ онѣ могли спать спокойно и имѣли всегда время улетѣть, когда появится челнокъ рыбака или какой-нибудь хищникъ выскочить изъ лѣсу. Цапля

видитъ ночью почти такъ же хорошо, какъ днемъ, и мнѣ не удавалось никогда подплыть къ ней очень близко, какъ бы тихо я ни гребъ. Я слышалъ только тихій взмахъ крыльевъ, вопрошающій звукъ и въ ясную ночь видѣлъ легкую тѣнь, скользящую дальше, къ болѣе уединеннымъ мѣстамъ.

Когда я разводилъ огонь, цапля не плѣнялась имъ, какъ большинство ночныхъ жителей, какъ олени, лани, дикія утки, лягушки и рыбы, кото-

рых огонь притягивалъ настолько, что они забывали даже свою пугливость. Цаплю на такую приманку поймать было нельзя. Я видѣлъ ея неясный абрисъ въ концѣ свѣтовой дорожки, идущей отъ моего фонаря, могъ замѣтить блескъ ея глазъ, движеніе ея головы, напоминающей флюгеръ,—и она скрывалась отъ меня въ темноту, откуда раздавался ея крикъ, звучащій скорѣе досадой, чѣмъ вопросомъ; поднявъ фонарь, я могъ видѣть издали ея мелькающія надъ озеромъ крылья. И назадъ она никогда уже не возвращалась — посмотрѣть, что это за штука, какъ дѣлаетъ это лисица.

Вообще темнота была больше по вкусу цаплямъ,—въ лунныя ночи онѣ становились безпокойными. Тутъ у нихъ проявлялась сильнѣе потребность быть вмѣстѣ, онѣ слетались тогда стаями на то мѣсто, гдѣ были ихъ гнѣзда и которыя онѣ нѣсколько недѣль уже какъ покинули; мнѣ приходилось видѣть ихъ такъ штукъ по пяти, по шести при лунномъ свѣтѣ на ихъ старомъ пепелищѣ и слышать ихъ возбужденный крикъ. А когда я натыкался въ лунную ночь на одинокую цаплю, она не стояла неподвижно, какъ всегда, а возбужденно ходила взадъ и впередъ по берегу, призывая громкимъ крикомъ своихъ товарокъ.

Помню, какъ я въ послѣдній разъ этою осенью выѣхалъ на лодкѣ въ тихую лунную ночь. Было замѣчательно тихо. Озеро лежало, какъ зеркало, и серебряная лунная тропка по немъ манила

меня дальше, дальше, туда, къ притихшему и словно задумавшемуся темному лѣсу. Лѣсъ никогда не спитъ, — когда все затихнетъ въ немъ, онъ стоитъ и прислушивается.

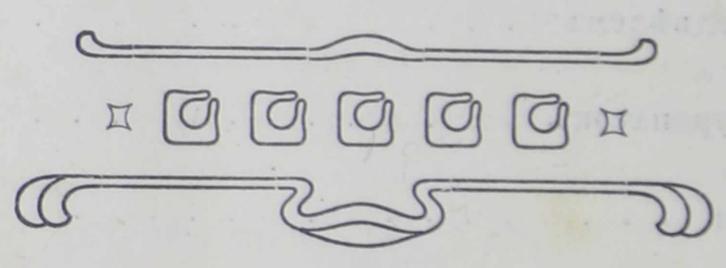
И вдругъ съ затѣннаго берега поднялась надъ моимъ челнокомъ легкая тѣнь съ посеребренными луною концами крыльевъ, заглянула въ него и исчезла за лѣсомъ. И тогда оттуда, изъ этого темнаго лѣса, послышался звучащій вызовомъ, вопросомъ, таинственный, точно голосъ самой ночи, „куоскъ? куоскъ?“

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Встрѣча съ медвѣдемъ	5
Перекличка куропадокъ	23
Голубая цапля	39

COUPON

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

Разсказы для младшаго возраста.

Наши звѣри. Разсказы Е. Горбуновой. Съ 5 рисунками въ краскахъ и многими черными рисунками. Ц. въ хромолитогр. обложкѣ 65 к., въ папкѣ 90 к.

Для крошечныхъ людей. Картинки Е. М. Бѣмъ. Около 70 силуэтовъ. Съ разсказами и стихами, собранными Е. Горбуновой и В. Лукьянской.

Для маленькихъ людей. Картинки Е. М. Бѣмъ. Около 75 силуэтовъ. Съ рисунками и стихами, собранными Е. Горбуновой и В. Лукьянской.

Что случилось въ лѣсу и друг. разсказы А. Кедровой. Съ 4 рисунками въ краскахъ и многими черными рисунками Н. Живаго. Ц. въ хромолитогр. обложкѣ 60 к., въ папкѣ 85 к.

Разсказы для средняго и старшаго возраста.

Мой отецъ и другіе разсказы.

Содержаніе: Мой отецъ. Разсказъ А. Ефименко. Марья кружевница. Разсказъ О. Хмѣлевой. Два отца. Разсказъ Ф. Горностаева. Собака. Разсказъ Е. Шелеметьевой. Дворникъ. Разсказъ С. Семенова. Добытчикъ. Разсказъ П. Хотымскаго. На Вовчемъ хуторѣ. Разсказъ Д. Марковича. Учительница. Разсказъ Ф. Горностаева.

Чужой и другіе разсказы. Съ рисунками.

Содержаніе: Чужой. Разсказъ В. Ладыженскаго. Ефремъ и его сироты. Разсказъ Е. Шелеметьевой. Въ не-

волѣ. Разсказъ И. Наживина. Отецъ и дочка. Разсказъ Б. Гринченко. На урокъ. Разсказъ Е. Шелеметьевой. Докторъ Рашко. Разсказъ И. Васюкова.

Сестра Бѣленькая и другіе разсказы П. Буланже, М. Горькаго, М. Конопницкой, Г. Моргуна, В. Савинина, Н. Телешева и П. Хотымскаго. Со многими рисунками. Въ хромолитогр. обложкѣ.

Домой и другіе разсказы Н. Телешева, Серафимовича, Ф. Тищенко, В. Попова, Данилина, Измайлова и др. Со многими рисунками. Въ хромолитогр. обложкѣ. Печатается.

Праздникъ и другіе разсказы. А. Хирьякова, Баршевой, Измайлова, Ершова и др. Печатается.

Павлиній глазъ. Разсказъ Сергѣя Орловскаго, съ рисунками М. Живаго. Ц. 15 к.

Бѣлый невольникъ. Разсказъ А. Хирьякова. Съ 2 рисунками. 15 к.

Въ деревнѣ и другіе разсказы. С. Семенова. Съ рисунками К. Лебедева и др. Ц. въ хромолитогр. обложкѣ 45 к., въ папкѣ 65 к.

Бѣлое перо и другія легенды и сказанія Л. Толстого, О. Шрейнеръ, А. Хирьякова, Н. Рубакина, И. Наживина, Фильдинга и др. Со многими рисунками Н. Живаго. Печатается.

Рождественская звѣзда. Сборникъ сказокъ и разсказовъ Ч. Диккенса, В. Гюго, Андерсена, Бретъ Гарта, Ф. Коппе, Лоти и др. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Изд. 3-е. Со многими рисунками. Ц. 1 р. 10 к., въ папкѣ 1 р. 35 к.

Дивная волшебница и другія сказки Барыковой, И. Брута, Шторма Вильденбруха и друг. Со многими рисунками Н. Живаго и др. Въ хролитогр. обложкѣ.

Юединокъ. Разсказъ Эдм. Амичиса. Переводъ А. Ульяновой.

Школьные товарищи. Эдм. Амичиса. Переводъ съ итальянскаго А. Ульяновой. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Изд. 3-е. Ц. 85 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Стихотворенія.

Родная деревня. Стихотворенія С. Дрожжина. Изящное изданіе со множествомъ рисунковъ и виньетокъ. Ц. 1 р. 20 к.

Исторія.

Сократъ и его время. Историческій очеркъ В. Сиповскаго. Съ 8 рисунками. Ц. 40 к. *Содержаніе:* Аѳины въ V вѣкѣ. — Софисты и Сократъ. — Жизнь Сократа. — Чему училъ Сократъ. — Разговоръ съ Главкономъ. — Бесѣда съ Хармидомъ. — О братскомъ единомудіи и дружбѣ. — О любви божества къ человеку. — Судъ надъ Сократомъ и смерть его.

Природовѣдѣніе.

Въ царствѣ птицъ. Выпускъ первый. Орелъ „подоблачныя крылья“ и др. рассказы Вильяма Лонга. Со многими рисунками.

Школа лѣсовъ. Рассказы Вильяма Лонга. Выпускъ первый. *По дорогѣ въ школу* и др. рассказы. Со многими рисунками. Выпускъ второй. *Встрѣча съ медвѣдемъ* и др. рассказы. Со многими рисунками.

Человѣкъ, животныя и растенія. Начальное природовѣдѣніе для школы и семьи. Составилъ Отто Шмейль. Съ нѣмецкаго перевелъ С. Порѣцкій. Со многими рисунками художника Кува. Выпускъ первый: *Животныя и человѣкъ.*

Оглавленіе: I отдѣлъ. Позвоночныя: А) Млекопитающія. В) Птицы. С) Пресмыкающіяся. Д) Земноводныя, или амфибіи. Е) Рыбы. Отдѣлъ II. Членистоногія. А) Насѣкомыя. В) Пау-

ки. Отдѣлъ III. Мягкотѣлая, или моллюски. А) Брюхоногія моллюски. В) Пластинчатожаберныя моллюски. С) Головоногія моллюски. Отдѣлъ IV. Черви. Отдѣлъ V. Иглокожія. — Человѣкъ. 1) Скелетъ. 2) Мышцы. 3) Нервы и мозгъ. 4) Органы чувствъ. 5) Дыханіе. 6) Кровь и кровообращеніе. 7) Пищевареніе. 8) Органы выдѣленія.

Выпускъ второй: *Растенія.* Ц. въ обложкѣ 90 к., въ папкѣ 1 р. 10 к.

Оглавленіе: I-я часть: Наши мѣстныя растенія. I отдѣлъ. Цвѣтковыя или семейныя растенія. I подотдѣлъ. Покрытоствѣнные. I клас. Двудольныя. 2 кл. Однодольныя. II подотдѣлъ. Голостѣвные. II отдѣлъ. Безцвѣтныя или споровыя. I клас. Папоротники. 2 клас. Хвощи. 3 клас. Мхи. 4 клас. Водоросли. 5 клас. Грибы. 6 клас. Лишай. 2-я часть: Иноземныя полезныя растенія. Строеніе и жизнь растенія.

Занятія для дѣтей.

Давайте работать! Практическое руководство къ тому, какъ научиться самому работамъ картонажнымъ, переплетнымъ, столярнымъ, токарнымъ по дереву, выпиливанію и рѣзбѣ по дереву, слесарнымъ, токарнымъ и другимъ работамъ по металлу, гальванопластикѣ, формованію изъ металла, гипса и цемента, изготовленію моделей кораблей и настоящихъ лодокъ и изготовленію физическихъ приборовъ. По иностраннымъ и русскимъ источникамъ составилъ С. Порѣцкій. Съ 564 рисунками. Ц. 2 р. 80 к., въ папкѣ 3 р.

Это же изданіе имѣется въ продажѣ и въ отдѣльныхъ выпускахъ: *Выпускъ I.* Картонажныя и переплетныя работы. Съ 150 рис. Ц. 80 к. *Выпускъ II.* Столярныя работы. Работы изъ необдѣланнаго дерева и изъ испанскаго камыша. Выпиливаніе и рѣзба по дереву. Токарныя работы. Съ 198 рис. Ц. 80 к. *Выпускъ III.* Работы по металлу. Гальванопластика. Формованіе изъ металла, гипса и цемента. Изготовленіе моделей кораблей, лодокъ и физическихъ приборовъ. Разныя работы изъ бумаги, дерева и металла. Съ 216 рис. Ц. 1 р. 20 к.

Учебныя книги.

Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія въ школѣ и семьѣ. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. Новое, исправленное и пополненное И. Горбуновымъ-Посадовымъ

изданіе, иллюстрированное новыми рисунками. Печатается.

Золотые колосья. Третья книга для чтенія въ школѣ и семьѣ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Со новыми рисунками. Изданіе 3-е. Ц. 80

Изданія прежнихъ лѣтъ.

I. Разказы и повѣсти.

Безъ вѣсти пропавшій. Разказъ Т. Шторма. Съ нѣмецк. перевела Е. Б. Съ рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 50 к.

Безъ отца, безъ матери! Повѣсть Юганна Спири. Съ нѣмецкаго Е. К. Съ 2 рисунками. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

Веселая рѣчка, или Тимошины поиски. Разказъ для каждаго, молодого или стараго, кто пожелаетъ его прочесть. Соч. Кэтъ Дугласъ-Виггинъ. Съ рисунками Оливера Герфорда. Съ англійскаго перевела Е. Б. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Война. Разказъ дяди Жоржа. Переводъ съ французскаго Н. И. Живаго. Съ рисунками переводчицы. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к.

1) Горный пастухъ. 2) Бабушкинъ дружокъ. Два разказа для младшаго возраста Юганна Спири. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Караваевой. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Дочь кукольнаго комедіанта. Разказъ Т. Шторма. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Б. Съ рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Золотыя кудри. Повѣсть Джорджа Эллиотъ. Съ англійскаго Е. Б. Съ рис. Редживальда Бѣрча. Въ хромолитографиров. обложкѣ. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к.

Капитанъ Январь. Повѣсть. Съ англійскаго перевела Е. Б. Съ 22 рисунками. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

1) Крамбамбули. 2) Двѣ бѣлки. 3) Осень въ альпійскихъ горахъ. Разказы Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ, В. Стиль-

мана и И. Видмана. Переводъ съ нѣмецк. Сергѣя Орловскаго. Съ рисунками Н. Живаго. Ц. 30 к., въ папкѣ 50 к.

Красавецъ Джой. Исторія собаки, разказанная ею самой. Маршалъ Саундерсъ. Съ англійскаго перевела Е. Б. Съ рисунками. Ц. 60 к., въ въ папкѣ 80 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Колокола. Повѣсть Чарльза Дикенса. Съ англійскаго перевела В. Толстая. Ц. 20 к.

Лалли и ея звѣздочка. Сказка для дѣтей младш. возраста Ами Пальмъ. Съ шведскаго. Съ 5 большими, въ цѣлую страницу, рисунками художницы Женни Нистромъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Майскій цвѣтокъ. Сборникъ разказовъ Додэ, Дугласъ-Виггинъ, Коппе и Уйда. Съ рисунками. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 55 к., въ папкѣ 75 к.

Моя новая мама и другіе разказы А. Ульяновой. Съ рисунками Н. Живаго. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

Найденная дочь дѣдушки Карилеса. Повѣсть г-жи Коломбъ. Съ франц. Варв. Т. Съ рисунками. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. въ папкѣ 50 к.

Ночь подъ Рождество среди снѣга и льда. Разказъ Штифтера. Перев. съ нѣмецкаго С. Порѣцкаго. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Рождественскій подарокъ. Два разказа для младшаго возраста. Въ папкѣ. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

Садикъ маленькаго Гарри. Разказъ Уйда. Переводъ съ англійскаго П. Буланже. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Сердце бѣдныхъ. Разказы Э. Демольдера. Переводъ съ французскаго Сергѣя Орловскаго. Съ рисунками Кутюрье. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к.

Сиротка Герт и другіе разказы Виктора Гюго, Джорджа Хиса, А. М. Комменсъ и другихъ. Со многими рисунками. Въ хромотитографиров. обложкѣ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перешлетѣ 1 р. 60 к.

Спасенный. Сборникъ разказовъ Теннисона, В. Гюго, Эрманъ-Шатриана, Диккенса и др. Съ рисунками. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

Счастье бѣднаго малыша. Разказъ Кэтъ Дугласъ-Витгинъ. Съ англійскаго перевела Е. Б. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Хижина дяди Тома. Романъ Бичеръ-Стоу. Перев. съ англійскаго Е. Б. Съ приложеніемъ статьи И. Горбунова-Посадова: **Освободители черныхъ рабовъ.** Съ 80 рисунками и портретами. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Черный Красавецъ. Исторія лошади, разказанная ею самой. Анны Сюэль. Съ англійскаго перевела Е. Б. Съ 25 рисунками. Ц. 75 к., въ перешлетѣ 1 р. 10 к.

Чудный даръ. Сборникъ сказокъ Виктора Гюго, Лабулэ, Франсуа Коппэ, Джона Рескина, Эжезиппа Моро и Карменъ Сильвы. Съ 25 рисунками. Въ хромотитографированной обложкѣ. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

II. Біографія.

Жизнь Диккенса для дѣтей. Сергѣя Орловскаго. Съ 12 рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

III. Исторія.

Подъ громомъ пушекъ. Разказы о франко-прусской войнѣ. Германа Клейна. Переводъ съ нѣмецкаго С. Порѣцкаго. Съ рисунками. Въ хромотитографированной обложкѣ. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р. 5 к.

IV. Книги для первоначальнаго обученія.

Азбука-картинка, содержащая въ себѣ постепенные уроки чтенія-письма

по наглядно-звуковому способу, первое чтеніе послѣ азбуки и церковно-славянскую азбуку. Съ листкомъ разрѣзныхъ буквъ. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. Изданіе 8-е. Ц. 10 к.

Красное солнышко. Первая книга для чтенія дома и въ школѣ, содержащая въ себѣ статьи для чтенія и правила грамотнаго русскаго письма. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. Съ рисунками. Цвѣтные рисунки на обложкѣ и черные силуэты въ текстѣ рисовала Е. М. Бѣмъ. Изданіе 7-е. Ц. 15 к. Эта же книга выходитъ и въ соединеніи съ „Азбукой-картинкой“; въ изданіи этомъ она называется **Красное солнышко съ азбукой-картинкой.** Ц. 25 к.

V. Географія.

Кругомъ свѣта. Географическая хрестоматія. (Пособіе при обученіи географіи въ школѣ и дома.) Часть первая. **Земля — жилище человѣка.** (Жаркія, умѣренныя и холодныя страны. Равнины. Горы. Рѣки. Моря. Нѣдра земли. Атмосфера.) Съ 337 рисунками и чертежами и съ общей картой всѣхъ пяти частей свѣта, съ обозначеніемъ морскихъ теченій. Составили: И. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Горбунова и В. Лукьянская. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 60 к., въ папкѣ 1 р. 80 к.

VI. Природовѣдѣніе.

A) Для младшаго возраста.

Другъ животныхъ. Книга о вниманіи, жалости и любви къ животнымъ. Для самостоятельнаго чтенія дѣтей и какъ пособіе для преподаванія въ семьѣ и школѣ основныхъ началъ человѣчнаго отношенія къ животнымъ и правильнаго обращенія съ ними. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и В. Лукьянская. Часть I. Съ 145 рисунками. Акварельные рисунки на обложкѣ рисовала Е. М. Бѣмъ. Ц. 85 к., въ папкѣ 1 р. 10 к.

Дружба въ мірѣ животныхъ. Разказы А. Ульяновой. Для младшаго

возраста. Съ 14 рисунками. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

1) Жизнь и приключенія лягушки-квакушки, рассказанныя ею самою. М. Бжезинскаго. 2) Гадкій утенокъ. Сказка Н. Андерсена. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

1) Хромуша-медвѣженокъ. 2) Путешествіе дикой утки съ утятами по сухому пути. Два рассказа Э. Сетонъ-Томпсона. Съ рисунками автора. Ц. 25 к., въ папкѣ 45 к.

Что рассказывала мама о полезныхъ вещахъ, которыя были у дѣтей въ комнатѣ. Переводъ съ англійскаго В. Величкиной. Со многими рисунками. Цѣна 60 к. въ папкѣ.

Б) Для средняго возраста.

Голуби, галки, аисты и другія птицы. Профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 10 к.

Ужъ и жаба. Два рассказа профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 8 к.

Летучая мышь. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 10 к.

Скворецъ и воробей. Два рассказа профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 10 к.

Ласточка. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 10 к.

Мышка. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 8 к.

1) Что такое птица. 2) Перелетъ птицъ. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Ц. 12 к.

Маленькій герой. Кенгуровая крыса. Уличный пѣвецъ. Три рассказа (въ одной книжкѣ) Э. Сетонъ-Томпсона. Перевела съ англійскаго Е. Б. Съ рисунками автора. Ц. 30 к.

Въ полѣ и на лугу. Рассказы Германа Вагнера. Со многими рисунками. Въ красивой папкѣ. Ц. 60 к.

Въ саду и на дворѣ. Рассказы Германа Вагнера. Со многими рисунками. Въ красивой папкѣ. Ц. 50 к.

Въ лѣсной глуши. Рассказы Германа Вагнера. Со многими рисунками. Въ красивой папкѣ. Ц. 60 к.

Первыя бѣды съ дѣтьми о жныхъ. Поля Бэра. Съ 259 рисункомъ. Ц. 50 к.

В) Для старшаго возраста. По слѣдамъ оленя. Рассказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Съ рисунками автора. Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к., въ папкѣ 50 к.

Лобо, король Корромпо. Исторія волка. Рассказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Съ рисунками автора. Переводъ съ англійскаго В. Б—скаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 35 к.

Лисья семья. Рассказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Съ англійскаго перевела А. Ульянова. Съ рисунками автора. Ц. 15 к.

Жизнь стараго медвѣдя. Повѣсть Э. Сетонъ-Томпсона. Переводъ съ англ. Н. Шишкова. Съ 37 рисунками автора. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Рогачъ. Исторія кутенейскаго горнаго барана. Рассказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Съ англійскаго перевела Н. Альмедингенъ. Съ 29 рисунками автора. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Степной волченокъ. Рассказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Переводъ съ англійскаго Е. Б. Съ рисунками автора. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Красный воротничокъ. (Исторія одной куропатки.) Рассказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Съ англ. перев. Н. Альмедингенъ. Съ рисунками автора. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

Друзья растеній. Бесѣда о дружбѣ растеній съ животными. С. Порѣдкаго. Съ 53 рисунками. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Зеленый міръ. О жизни растеній. С. Порѣдкаго. Съ 92 рисунками. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 90 к.

Въ зеленомъ саду. Бесѣды о жизни растеній и животныхъ сада. Профессора Крепелина. Съ нѣмецкаго перевелъ С. А. Порѣдкій. Со многими рисунками. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Въ царствѣ лѣсовъ и полей. Образовательныя прогулки среди природы

БИБЛИОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА

для дѣтей и для юношества.

Отдѣлъ природовѣдѣнія:

Разказы Эрнета Сетонъ-Томпсона. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками автора: По слѣдамъ оленя. Ц. 30 к., въ папкѣ 50 к. Лобо, король Корромпо. Ц. 15 к. Степной волченокъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к. Рогачъ. Исторія Кутенейскаго горнаго барана. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. I. Хромуша-медвѣженокъ. II. Путешествіе дикой утки съ утятами по сухому пути. Ц. 25 к., въ папкѣ 45 к. Лисья семья. Ц. 15 к. Жизнь стараго медвѣдя. Съ 37 рисунками автора. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к. Красный воротничокъ. (Исторія одной куроцаты.) Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Разказы В. Лонга. Переводъ съ англійск. Съ рисунками Копеланда. Въ царствѣ птицъ. Выпускъ I. Орель „Подоблачныя крылья“ и другіе разказы. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к. Школа лѣсовъ. Выпускъ I. По дорогѣ въ школу и другіе разказы. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. Выпускъ II. Встрѣча съ медвѣдемъ и другіе разказы. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Разказы профессора М. Н. Богданова: Летучая мышь. Съ рисун. Ц. 8 к. Ужь и жаба. Съ 2 рисунк. Ц. 8 к. Мышна. Съ 5 рисунк. Ц. 8 к. Ласточка. Съ 4 рисунк. Ц. 10 к. Скворецъ и воробей. Съ 6 рисун. Ц. 10 к. Голуби, галки, аисты и др. птицы. Съ 8 рис. Ц. 10 к. 1) Что такое птица. 2) Перелетъ птицъ. Разказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Ц. 12 к.

Человѣкъ, животныя и растенія. Начальное природовѣдѣніе для школы и семьи. Составилъ Отто Шмейль. Съ рис. Съ нѣмецкаго перевелъ С. Порѣцкій. Выпускъ I. Животныя и человѣкъ. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к. Выпускъ II. Растенія (съ 8-ю цвѣтными таблицами и многими черными рисунками). Ц. 90 к., въ папкѣ 1 р. 10 к.

Другъ животныхъ. Книга о вниманіи, жалости и любви къ животнымъ. Составили И. Горбунсъ-Посадовъ и В. Лукьянская. Часть I. Съ 145 рис. Акварельные рисунки на обложкѣ рисовала Е. М. Бемъ. Изд. 2-ое. Ц. 85 коп., въ папкѣ 1 р. 10 к.

Зеленый міръ. Бесѣды о жизни растеній. С. Порѣцкаго. Съ 92 рисунками. Въ хромолитогр. обложкѣ. Ц. 90 к., въ папкѣ 1 р. 10 к.

Друзья растеній. Бесѣды о дружбѣ растеній съ животными. С. Порѣцкаго. Съ 53 рисунк. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Въ царствѣ лѣсовъ и полей. Образовательныя прогулки среди природы въ различныя времена года. Составилъ Ландсбергъ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Порѣцкаго. Со множествомъ рисунковъ. Въ хромолитограф. обложкѣ. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Въ зеленомъ саду. Бесѣды о растеніяхъ и животныхъ сада. Профессора Крешелина. Переводъ съ нѣмецкаго С. Порѣцкаго. Съ многими рисунками. Въ хромолитограф. обложкѣ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Выписывать всѣ эти книги можно отъ Ив. Ив. Горбунова: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. Осипова, и изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ.

Цѣна 25 коп.,

въ папкѣ 40 к.

